

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

АНЯ СОКОЛ

ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

Annotation

Думаете, учиться скучно?

Макс тоже так считал, пока не поступил в Пси-Академию.

Тренировки вместо лекций, мировой заговор вместо контрольной, контрабанда драгоценных камней вместо практикума и «не любовь» красивой девушки вместо всего остального.

Но он справится. Всегда справлялся.

И этот раз не станет исключением, вот только не сорваться бы...

Аня Сокол
Первый ученик

Урок первый

Псионика

Тема: «Энергия»

— Ты справа, я слева, — скомандовал Сенька, по лицу которого было видно, как ему претит зависеть от напарника.

Тот кивнул, не считая нужным отвечать. Парни разошлись, огибая двухметровый дощатый щит с разных сторон. Пространство вокруг было изрыто, словно после бомбежки. Как показала практика, жаждущие знаний студенты могут быть не менее разрушительны.

Макс выглянул из-за грубо сколоченных досок. Большая часть курса уже получила дисквалификацию, а блуждающий так до сих пор и не был пойман. Физически схватить нечто, не имеющее тела, можно лишь условно. Задачей его курса было загнать призрака в энергетическую петлю. Но сегодня им не везло: кто-то растратил силы, кто-то не смог направить и придать форму энергии, а кто-то сам попался в ловушку, нарушив границы захоронений. Площадки, к которым было привязано с десятков вернувшихся, располагались в самых неожиданных местах учебной полосы.

Наказание за это одно — незачет. В жизни бы все могло закончиться больницей и курсом реабилитации. Но здесь призраки были слабые и смирные, как комнатные собачки.

Макс обошел вроде бы свободное пространство. Цепочки следов на песке говорили о том, что не ему одному пришла в голову блажь выписывать зигзаги. Парень повернулся, и его тут же окутала едкая вонь. Как всегда бывало в такие минуты, он остро позавидовал обычным людям. Те никогда не ощущали того, что псионики^[1]. Если призрак не атаковал, они и знать не знали, что он рядом. Вернувшийся мог стоять на голове за их спиной, а они бы и не обернулись. Псионик же обречен жить в тягучем мире запахов, от которых иногда хочется разучиться дышать.

Парень взял еще чуть правее, обходя площадку, под которой были закопаны останки бедняги, служившего студентам обучающим пособием. Десяток статичных и один подвижный блуждающий. Поймать нужно было не того, кто и так привязан, а того, кто свободно перемещался. Ну, относительно свободно... Поля с абсолютным нулем не дадут отпущенному на время зачета призраку покинуть учебную полосу.

Он прошел еще с десятков метров вперед, краем глаза отмечая движение с левой стороны — значит, Сенька почти вышел на линию атаки. Макс подобрался и шагнул вперед, одновременно вскидывая руку, в которую стягивал энергию. По плану он должен был всего лишь отвлечь внимание призрака на себя, а уж партнер позаботится об аркане. Как всегда, ему досталась самая невыгодная роль — в случае успеха все лавры соберет Сенька.

Макса подобная чушь не интересовала. Его, если говорить начистоту, и призрак не интересовал. Так почему бы не развлечься? Судя по рассказам старшего курса, именно так и должны проводить время младшие. Он выбросил свою петлю, хотя еще минутой ранее собирался без лишних телодвижений отыграть роль загонщика, от которого блуждающий отшатнется в расставленную сокурсником ловушку. И призрак отшатнулся с секундным опозданием, когда уже был внутри. Парень рывком затянул аркан, чувствуя, как невидимые нити силы впиваются в ладонь.

— Держи, — не стал возмущаться его отступлением от плана Сенька.

Студент подскочил с другой стороны и накинул на блуждающего свою петлю, пусть не очень ровную и не очень сильную. Совместная победа лучше совместного поражения.

В тот момент, когда чужая энергия коснулась вернувшегося, Макс отпустил петлю, позволил ей лениво скользнуть меж пальцами и рассеяться в пространстве.

— Что ты творишь?! — закричал сокурсник, стараясь удержать получившего неожиданную свободу призрака.

Блуждающий рванулся в сторону, разорвал энергетическую петлю Сеньки и ушел. Будь у них второй шанс, предстояло бы снова искать и локализовывать затаившегося призрака. Хорошая новость состояла в том, что вторых попыток тут никому не давали.

Макс развернулся и направился к ближайшему выходу с площадки. Там, за сетчатым забором, собралось уже немало неудачников, вернувшихся отсюда ни с чем.

— Ты что сделал, урод? — парень схватил его за плечо.

Макс не ответил, он очень давно научился молчать, когда ответа не требовалось. Его поступок был банальной подставой. Произнеси он это вслух, ничего не изменится. Особенность пси-сил состояла в том, что как бы они не манипулировали энергией, она все равно оставалась невидимой, как и формы, которые ей придавали, как и сам призрак, пока не решит материализоваться. То, что произошло на площадке, нельзя увидеть, лишь почувствовать. Но сидевшие на криво сколоченных скамейках были для этого слишком далеко. Когда Вишня начнет разбор полетов, картина будет проста: Макс отвлекал на себя призрака, Сенька же, не справившись со своей корявой петлей, упустил блуждающего. И их зачет в придачу. Отговорки преподша не жаловала, так что вряд ли сокурсник рискнет нажаловаться.

— Я тебя спрашиваю! — рявкнул Арсений, толкая его в грудь.

— Соболев, Грошев, разошлись, — раздался четкий приказ, к ним уже спешила крепкая невысокая женщина в полевой форме черного цвета. — Ошибки ясны? Или разобрать? — Студенты одновременно покачали головами. — Пересдача через неделю. Соболев, свободен. Грошев, за мной. Тебя вызывает Куратор. — И, не дожидаясь их реакции, она развернулась и пошла обратно.

— Ты труп, Грош, — донесся в спину яростный шепот.

Макс не стал оборачиваться. Он ненавидел эту дурацкую кличку, прилипшую к нему чуть ли не с первого дня в Пси-Академии. Парень сунул руки в карманы и, ссутулившись, побрел следом за Вишней. Вишневской Яной Итировой. Но по имени и отчеству ее звали исключительно на лекциях и практикумах, за глаза — только Вишней, а особо смелые и соскучившиеся по ночным дежурствам — даже Вишенкой.

На Максе была точно такая же черная форма. Худой и жилистый парень, которого перетянутая ремнем рубашка и форменные штаны непостижимым образом делали похожим на кузнечика.

Учебные площадки закончились, показались жилые корпуса, один учебный, столовая и стоящая на самом конце плато баня. Дорога все время шла в гору, но за полтора месяца в Инатарских горах^[2] он привык бегать туда-сюда по несколько раз в день. Последняя летняя практика проходила в лагере около старого могильника и бункера, куда запирали особо опасных призраков. К сентябрю, по возвращении в Заславль, столицу Империи, каждому студенту предстояло иметь в голове четкое представление о своем будущем. На деле же это означало выбор специализации, которой они посвятят оставшиеся два года в Пси-Академии.

В голове у Макса за три курса обучения и строевой подготовки ничего не изменилось. И Академию, и специализацию он видел в гробу и в белых тапках. Когда совсем прижмет, он поступит как обычно — просто ткнет пальцем в первый попавшийся вариант, и от него отстанут.

Дорожка свернула к вросшему в землю крыльцу административного корпуса. Вишня чуть задержалась на пороге, придержав для него дверь. Кто бы мог подумать, что спустя три года после того, как Куратор лично привез тощего взъерошенного и злого на весь мир пацана в Академию, он все еще будет здесь. Пусть такой же тощий. Да и злость никуда не делась.

Они миновали канцелярию, библиотеку, комнаты методистов и склад инвентаря. Лестница, ведущая на второй этаж, гулко вздрогнула под их тяжелыми ботинками.

Интересно, что потребовалось Куратору на этот раз? Грехов на Максе больше, чем блох на собаке, о чем именно донесли старшему? Хотя... Какая разница? Что тот может? Максимум — выслать его из лагеря обратно в Академию, влепив неуд по практике. Общий балл все равно не позволит оставить его на второй год, за этим парень следил строго — лишний курс в стенах учебного заведения не входил в его планы.

Дверь, обитая светлым дерматином, открылась, женщина пропустила его вперед и с чувством выполненного долга осталась в коридоре. Грош огляделся, он был в этой комнате не раз и не два. Стол в центре, полка с папками на стене, точно такая же напротив, только с книгами, сейф в углу, широкое окно за спиной Куратора. Там за стеклом полнеба закрывал склон Великой^[3]. Стульев для посетителей не предусмотрено, но сегодня стоять предстояло не ему одному.

Справа от высокого и массивного Куратора небрежно оперся о стол Арчи, его страдальческий взгляд был устремлен в окно. Арчитинов Андрей Валентинович прекрасно знал, как зовут его меж собой студенты, но вроде ничего не имел против, что лишало оных большей части удовольствия. Единственный препод, не оставивший надежды вернуть Макса на путь истинный.

Слева от Нефедыча, вернее, Куратора Нефедова, стояла незнакомая женщина в форме корпуса правопорядка, в руках она сжимала пухлую, наполненную бумагами папку. Незнакомка смерила Макса возмущенным взглядом, так же на него смотрела старуха, жившая на первом этаже их дома в Трвороте^[4], подозревая, что он пнул одну из ее десяти кошек.

— Максим, — преувеличенно серьезно начал Арчи, — скажи, пожалуйста, ты был сегодня в хранилище?

— Да, — односложно ответил парень.

— Брал там что-нибудь?

— Нет.

— Вредитель врет. — На скулах Куратора заходили желваки.

Нефедыч всегда так говорил и в девяти случаях из десяти был прав. Но сегодня как раз пришла очередь десятого. Чего там, в хранилище, брат? Кубы с прахом?

— Давайте так, — женщина положила пухлую папку на стол и картинным жестом открыла, — Максим Грошев, тут твои правонарушения за время обучения в Пси-Академии.

Парень прикинул на глаз количество бумаг. Максимум год, да и то не весь, так что разыгранная сценка вышла отнюдь не угрожающей, как задумывалось теткой. Но та этого не знала и строгим голосом продолжила:

— Нарушение распорядка, самоволки, порча имперского имущества, хулиганство,

уклонение от общественных работ.

Макс подавил желание зевнуть.

— Сегодня добавь к этому опасность для жизни гражданских. — Женщина покачала головой. — Ты совершеннолетний, значит, тебе грозит тюремное заключение.

Два месяца назад ему исполнилось восемнадцать. Макс отметил это очередной выходкой.

— Мы ведь хотим тебе помочь, — получилось еще фальшивее.

Она сама не верила в то, что говорила. Психологию он сдал на четыре, практически высший для него балл. Офицер корпуса правопорядка могла напугать такого, как Сенька Соболев, но никак не его, бывавшего в этом кабинете не реже раза в неделю и отмывшего все туалеты в округе. И ничего, жив пока.

— Да что вы с ним нянчитесь, — грохнул кулаком по столу Куратор, знавший его куда дольше, чем тетка в форме. — Он украл!

Парень посмотрел на Арчи как единственного, кто мог бы дать ответ, что за дурдом здесь творится.

— Макс, — мягко начал препод, — из хранилища пропал куб с прахом. Блуждающий, который к нему привязан, имеет третий класс опасности. — Мужчина развел руками. — Произошло это в ваше дежурство. Если ты прямо сейчас скажешь, где он, информация об инциденте не выйдет за пределы этого кабинета...

— Ничего подобного, — перебил Нефедыч. — Гаденыш отправится в изолятор.

Грош посмотрел в окно и промолчал. За три года он овладел этим мастерски, слишком много тех, кто желает сказать за него. Но был один факт, которому стоило порадоваться — из вредителя его перевели в гаденыши.

В дверь постучали, и в кабинет вошел Самарский. Вот уж на ком форма сидела как надо, девчонки должны просто давиться слюной.

— Артем, — обратился к нему Арчи, — вы с Максимом несли утреннюю вахту в хранилище?

— Так точно, — козырнул тот.

— Что Грошев вынес из хранилища? — влез Куратор.

Самарский перевел взгляд на сокурсника, и за миг до того, как тот открыл рот, Макс понял, каким будет ответ.

Отличник курса, самый перспективный студент, первый ученик, внук профессора Сорокина. «Что такой, как ты, делает здесь? — мысленно спросил парень. — Неужели в Заславле не нашлось тепленького местечка для еще одного мажора? Все маменькины и папенькины сынки остались в столице, а ты решил показать свою непохожесть на них. Настоящий псионик. Ты забрался в горы к старому могильнику вместе с нами лишь затем, чтобы заполнить строку о практике правильными буквами. Пси-специалисту не пристало бояться грязной работы, пусть она заключалась в том, чтобы ровнять песок на ученической полосе да нести дежурства в хранилище».

— Никак нет. Он ничего не выносил.

На щеках Куратора загорелись два ярких пятна. Неправильный ответ, отличник. Ну что тебе стоило соврать? Нет, даже не соврать, а подстроиться. Любой бы ответил иначе. Любой, кроме этого идеалиста в форме, принципиального отличника, лидера курса. Этот просто не мог позволить себе ложь.

— Уверен? — тут же встрял Арчи — еще один любитель правды.

— Так точно, майор, — козырнул Артем. — Мы вместе заступили, вместе сдали вахту. Грошев ушел из хранилища с пустыми руками. Иначе вы бы получили мой рапорт еще до обеда.

И в этом тоже не приходилось сомневаться. Макс продолжал смотреть в окно и молчать.

— Свободны, — через силу проскрежетал Нефедыч.

Тетка в форме с постным лицом закрыла пухлую папку.

Ноут на тумбочке мигал извещением о полученном письме. Макс плюхнулся на покрывало, почти упираясь ногами в стену. На практику стоило поехать хотя бы ради комнаты, где он мог ненадолго остаться один. Спальня напоминала узкий пенал, в котором едва помещались кровать и тумбочка, но это была его личная территория. Он с тоской думал о возвращении в жилой корпус Академии, где комната раз в пять больше и раза в три заселеннее. Но это не скоро — впереди еще полтора месяца относительного одиночества.

Парень открыл папку с входящими. Мать не так давно освоила электронную почту, и он вздохнул с облегчением. Один раз ее письмо, тогда еще обычное бумажное, перехватили. Сокурсники здорово повеселились, зачитывая вслух корявые, наполненные беспокойством и вопросами (есть ли у него чистые носки) строки матери. Он позаботился о том, чтобы впоследствии каждый из этих шутников получил по заслугам. Он ведь гаденыш, верно?

Все как обычно. Она писала о повышении цен, о соседке с сердечным приступом, о новом участковом, голубях, срущих на балкон, и орущих по ночам котам. Обхохочешься. Он закрыл ноут, старенький и поцарапанный, чтобы купить его с рук, ему пришлось... Парень потер глаза — не самые приятные воспоминания.

Письмо было обычным, но он умел читать между строк. То, что проскальзывало между новостями о соседке и голубями, приводило его в ярость. Старую, давно уже перегоревшую, но все так же заставляющую его в бессилии сжимать кулаки.

Грош рывком поднялся. Комната, еще минуту назад бывшая убежищем, вдруг показалась камерой. Он сдернул с крючка на стене сделанный из пластика кристалл и выскочил за дверь, на ходу накидывая цепочку на шею. В век, когда цифровые носители заменили и удостоверения личности, и кошельки, выходить без одного за пределы лагеря явно не стоило.

Увольнительной у него не было. Как сказала тетка из корпуса правопорядка, он ходил в самоволки так же часто, как и в столовую.

Пси-Академия — учреждение смешанного типа, полувоенная и полусветская структура. Но в отличие от солдатских училищ режим здесь был щадящим, вернее, можно сказать, никакого не было, да и на плац их гоняли не чаще раза в неделю. Им выдавали форму и по окончании присваивали звания, но в остальном они вряд ли могли равняться на армейские учебки. Взять хотя бы КПП, квадратную комнату с вертушкой и прозрачными дверьми, где дежурных можно застать разве что перед кураторской проверкой. Студенты предпочитали проводить время на полигонах, уголках отдыха и смотровых площадках, а не в тесной конуре пропускного пункта.

Макс беспрепятственно миновал караулку и стал спускаться по извилистой дороге в поселок. Местные отнюдь не торопились с визитом в тренировочный лагерь. Собственно, никто не торопился. Соседство с бункером, где содержались особо опасные призраки, не добавляло месту популярности. Говорят, за такое попустительство в армии, а не в их психушке, как ласково называли ученики Академию, туалеты отправились бы мыть все: от рядового до генерала.

Некропольский — поселок, получивший название в те времена, когда здесь располагался старый некрополь, куда свозили умерших со всей Империи. Это было до образования Ворошков^[5] и этапов хронологических перезахоронений. На сегодняшний день в нулевом поле хранились останки тех, чьи призраки совершали нападения на людей, повлекшие за собой три и более смерти. Хранилище сравнивали с тюрьмой строгого режима для мертвых, а тем плевать на замки, стены и пропускные пункты. Их могут сдержать только камни и еще псионики.

Поселок был не то чтобы очень большим, но достаточно оживленным. Он жил в основном за счет окрестных шахт по добыче камней. Кирпичные пятиэтажки соседствовали с деревянными срубами, мини-рынок вплотную подступал к детской площадке, а одноэтажная больница стояла стена к стене с единственным в Некропольском питейным заведением. Маленькая (столов на семь) кафешка, где работяги могли после смены пропустить стаканчик дрянного алкоголя и закусить еще более дрянными сосисками.

Макс толкнул дверь, впустив немного свежего воздуха в пропахшее чем-то кислым помещение.

— Кофе, — сразу попросил он худощавую женщину за стойкой.

Днем клиентов обслуживала Леминария, ночью ее сменял муж Винис. Парень иногда задавался вопросом: когда они умудряются быть семьей при таком графике?

Женщина поставила на стойку белую кружку с черной жидкостью, кофе по качеству был под стать алкоголю. Леми навалилась грудью на стойку, вид в вырезе открывался умопомрачительный. Бледно-розовый кад-арт, висящий на серебряной цепочке, громко стукнулся о деревянную поверхность. Хранителем ее разума был лунный камень. Идентификацию кад-артов Грош сдал на твердую три, но только потому, что ему за это заплатили. Парень припомнил свойства кристалла, его хозяин должен был вызывать у окружающих высокие чувства. Может, и вызывал, раз ее муж все еще был здесь.

Рядом с его рукой она выставила портативный терминал, и парень, подцепив висевшую на его шее пластиковую подделку под камень, вставил в порт. Машина пискнула, списав со счета нужную сумму. Он прикинул, сколько там должно остаться, и понял, что в ближайшее время нужно искать приработок.

— Максим, — окликнул его вошедший в кафе посетитель.

Грош обернулся, от двери к нему направлялись двое, парень и девушка. На изящной фигурке последней форма сидела как надо. Еще один признак комбинированного учреждения — обучение в Академии было смешанным. Сила псионика не делала различий меду полами. Женский жилой корпус стоял на противоположном краю лагеря.

Грош не ответил, возвращаясь к горячему кофе. Артем облокотился на стойку.

— У нас проблема, — изрек первый ученик курса.

Девушка с белыми волосами и длинной, падающей на глаза челкой попросила у Леми воды. Макс не ответил, впрочем, как всегда.

— Пропал призрак. Ты не брал куб, я тоже. Но исчез он в наше дежурство. Понимаешь?

— Нет.

— По сути, это побег, третий класс опасности, когда блуждающий нападет и выжжет мозг человеку, пятно ляжет на нас.

— Пятном больше, пятном меньше. — Он отпил. — Моя совесть выдержит.

— А моя нет, — отрезал Самарский.

Парень пожал плечами, проблемы очередного отличника его не волновали. Но Артем

смог его удивить, всегда выдержанный студент вдруг рывкнул:

— Хватит строить из себя злодея.

Макс продолжал смотреть в кружку, он слышал подобные слова не раз и не два.

— Ты же такой «хороший мальчик», — насмешливо процитировала то самое письмо Светка.

Парень заставил пальцы разжаться, иначе дешевый фарфор брызнул бы во все стороны. Он был немного удивлен тем, что с Самарским пришла Коса. Светка Корсакова, получившая свое прозвище из-за толстой белой косы и, кроме нее, ничем особо не выделявшаяся. Ну, разве что излишней дерзостью, но этим грешила половина курса. Раньше Артем предпочитал другую компанию.

— Ладно, Грош, — по одному слову было понятно, как взбешен сокурсник, никогда раньше не опускавшийся до кличек. — Как знаешь. — Он хлопнул ладонью по столу и направился к выходу.

Девушка чуть задержалась и, качнув бедрами, шагнула к Максиму.

— Ты ведь на самом деле не такой, — тихо сказала она, наклоняясь к его лицу.

— Нет, — ответил он, посмотрев в голубые глаза, — я еще хуже. Хочешь выяснить насколько? — Он повернулся к Леми и попросил пива.

— Учует Нефедыч — вылетишь с практики, — предупредила Коса.

— Тогда два.

Света выпрямилась и, не говоря больше ни слова, последовала за Самарским.

Макс пожалел о своем демарше уже через минуту, когда невозмутимая женщина вновь достала терминал и пришлось расплачиваться.

Он просидел в баре, плясая на работающий без звука телевизор, еще час. Дверь открывалась и закрывалась. Два мужика в клетчатых рубашках взяли дрянных бутербродов, при этом покосившись на студента в черной форме, но так и не сказали ни слова. Потом забегал какой-то мужик в спецовке, на которой крупными буквами было выведено «Караварт». Имя или название конторы? Кто бы мог подумать, что тот, кто получил право на простое красивое имя, будет завидовать какому-то там Караварту? Если бы парень осмелился сказать это вслух, та же Леми повертела бы пальцем у виска.

С именами в Империи Камней все плохо. На земле, где умершие не уходят навсегда, имя ребенку выбирают с осторожностью. Призраки — не люди, они не умеют лгать, не умеют прощать, но очень хорошо умеют ненавидеть. Они возвращаются только ради мести. Они не приходят к любимым — только к врагам: мнимым или настоящим. Даже если это всего лишь почтальон, как-то раз сунувший в почтовый ящик грязное и мятое письмо.

Профессора говорят, что после смерти память о нанесенных обидах раздувается, как воздушный шар. То, что раньше казалось неприятностью, становится достойным кровной мести. И только камни, которые носят на шее все жители Империи, генерируя нулевое поле, хранят разум живых от пси-атаки мертвых.

Из этого правила исключили лишь псиоников, тех, кто при рождении получил дар управлять энергией. Таких, как он. Поэтому у него на шее не кад-арт, не хранитель разума, а пластиковая подделка, в которую, как и у всех, вмонтирован электронный чип. Даже в этом не повезло — таскать на шее стекляшку вместо алмаза было обидно.

Он снова посмотрел на суетливого мужичка, тому срочно понадобилось пять бутылок минералки. У блуждающих была своя логика. Они всегда нападали только на тех, кого знали при жизни. То есть если умрет этот Караварт, он не сможет явиться к Граде, что живет рядом

с Академией в Заславле, по той простой причине, что они незнакомы. Зато Леми вполне может огрести пару атак (хотя бы за нерасторопность). Вон как мужика разбирает, даже лысина покраснела.

Но и у этого правила есть исключения. Призрак может атаковать незнакомого человека в двух случаях. Первый, если это его живой тезка. То есть умер Караварт, нашел такого же Караварта и выжег ему мозг. Тут уж, к сожалению, и кад-арт не спасет, стандартный предел которого — десять онн^[6]. Вот поэтому женщина за стойкой Леминария, потеющий мужик, сияющийся унести за раз все бутылки, Караварт, а он — просто Макс, коих в Академии с десяток. Он сам, если захочет, выжжет мозг призраку или что там у него. Остальным же после рождения ребенка приходится открывать единый реестр Империи. Не дай боги, если имя, которое они придумали малышу, труднопроизносимое и страшное, уже кому-то дали.

Второе исключение — это угроза захоронению или целостности останкам. То есть выкапывать покойника ради того, чтобы снять с пальцев усопшего пару колец, он бы не рекомендовал. Тут уж знакомы или не знакомы, а огребешь онн двенадцать и приляжешь рядом.

Грош отставил выпитую бутылку и поднялся. Хватит желать несбыточного, он пси-специалист, таким родился. Это все выпитое пиво. Бросить оплаченное не позволила жадность. Не будь этих двух бутылок, не сидел бы он здесь, жалея себя.

На улице уже начало темнеть, пора возвращаться. Охрана, конечно, лучше за последний час не стала, но запереть на ночь лагерь дежурные еще ни разу не забывали.

Дорога все время шла в гору, все время прямо, заблудиться негде, даже если бы за прошедшие полтора месяца студенты не облазили Некропольский вдоль и поперек.

Зачем он повернул голову в проулок между домами? Услышал шорох? Уловил движение? Четкого ответа он не мог дать даже впоследствии, да и не особо задумывался об этом. Стоило Максу чуть качнуться вперед, как он ощутил едкий запах. И его источник был где-то рядом.

Дом справа был темен, окна первого и второго этажей забраны решетками. Местные говорили, что раньше он принадлежал художнику Воскресенскому, который при отце нынешнего Императора стал очень популярен. Сюда, как гласила молва, он приезжал писать горы. После его смерти дом менял одного не очень рачительного хозяина на другого, пока постройку не выкупил офицер корпуса правопорядка и не поставил решетки. Острословы добавляли — видимо, для того, чтобы чувствовать себя как дома. Это изменение так и осталось единственным, а офицер здесь больше не появлялся. Дом остался в памяти людей домом художника.

Слева стоял классический пятистенки из потемневших от времени бревен. Над крыльцом покачивалась тусклая лампочка, но ее свет был слишком скуден, чтобы разогнать полумрак между домами.

Все, что Максу нужно было сделать, это дойти до лагеря и сообщить о происшедшем, а в идеале — подать рапорт. Он всего лишь студент, пока не получивший звания, и не обязан отслеживать блуждающих по темным подворотням. В другой день он так бы и поступил. Но сегодня он выпил два пива — как раз достаточно для того, чтобы наплевать на доводы разума. Не только Самарский может хвастать своими достижениями. Он тоже кое-чему научился. Пси-сила лишила его всего, пора чем-то это компенсировать.

Макс ступил в полумрак, поднял руку, стягивая силу, и сформировал поисковую полосу. Не самую мелкую модификацию, какую мог, но и не зияющее дырами полотнище. Он так

привык придерживаться середины, что делал это почти неосознанно.

Локализовать призрака, определить степень опасности, а потом уж действовать. Энергия сорвалась с пальцев, принимая форму сетки, он чувствовал каждую подрагивающую нить. Источник вони был там, невидимый и неосязаемый. Грош шевельнул ладонью, еще немного...

Мир брызнул в разные стороны цветными искрами. Полоса коснулась призрака и тут же рассеялась, словно Макс не смог удержать вектор. Тьма шагнула вперед и окутала парня со всех сторон. Падения на землю он уже не почувствовал.

Первым вернулось зрение, но он понял это не сразу, потому что вокруг была темнота. Следом он почувствовал медный привкус во рту и боль. Падая, он чуть прикусил язык. Грош знал, какова кровь на вкус. И прежде чем он все вспомнил, на несколько тягучих мгновений Макс испугался, что жизнь сыграла с ним злую шутку и он снова вернулся туда, в тот подвал.

Парень рывком сел и едва не опрокинулся обратно, все кружилось и дрожало. Чертов полумрак покачивался туда-сюда. Звук пришел постепенно, словно повернули рукоять громкости. Кто-то кричал, надрывно, на одной ноте.

Макс поморщился и коснулся рукой затылка, там надувалась отнюдь не маленькая такая шишка. Кто-то не очень нежно отоварил его по голове. Едва пальцы коснулись кожи, перед глазами снова заплясали цветные искры — парень глухо вскрикнул.

И одновременно с этим ощутил знакомую вонь. Блуждающий никуда не исчез, мало того, наоборот, приблизился. Это было не просто странно, это было из разряда невозможного. Преступники обычно не спешат с раскрытыми объятиями к офицерам корпуса правопорядка, так же и призраки никогда по своей воле не приближаются к псионикам. Но этот был здесь.

Макс заставил себя сосредоточиться, энергия никак не хотела собираться, проскальзывая между пальцами. Потусторонний запах окутал его сплошным непроницаемым покрывалом.

— Уби-и-и-или, — смог разобрать он то единственное слово, которое был неизвестный снаружи.

Снаружи? Грош огляделся: здесь было темнее, чем на улице, облетевшая штукатурка обнажала грубый красный кирпич, высокий потолок терялся в полумраке, грязный пол, прямоугольные проемы окон с наваренными железными прутьями. Он в доме художника. Внутри. Макс оперся о стену и встал. От этого движения блуждающий качнулся, но этого не могло быть. Физические тела не влияют на призраков, не могут колыхать и двигать их. Ради Императора, это же не занавески, это вернувшийся. Привести его в движение могла лишь собственная воля или вещь, к которой он привязан, например куб с пеплом. Но двигался в комнате только он. Страх липкими пальцами коснулся позвоночника.

— Помоги-и-и-ите-е-е-е! — продолжал орать неизвестный.

На этот раз энергия повиновалась ему беспрекословно. Поисковая полоса обернулась вокруг парня. Блуждающий был здесь привязанный не к кубу, а к его руке, будто шарик на веревочке. Привязанный к псионику, как к вещи. Три невозможных события сложились в одно. Призраки не приближаются к таким, как он, не цепляются будто репей и не ждут, пока бессознательный парень очнется. По логике его разум уже должен быть на той стороне. И последнее: почему блуждающий так спокоен, как овца рядом с мясником? Он должен рвать поводок с яростью дикого пса, а не безучастно висеть в воздухе.

Послышались топот ног и разрозненные выкрики. Если солист снаружи не ошибается,

значит, кто-то отбросил коньки. А если найдут рядом студента с призраком на поводке? Как минимум пара часов в допросной корпуса ему обеспечены. Вот тетка в форме порадует. Дальше — как карта ляжет, но что-то подсказывало Грошу, что тело вряд ли принадлежит бабке, у которой сердце дало сбой. Старушки не имеют привычки таскаться по заброшенным домам.

Мысли вихрем пронесли в голове, заставляя парня шевелиться, а не стоять столбом. Макс резким росчерком перерезал нить канала. Призрак тут же отшатнулся в сторону, запах стал слабеть. Сколько они привязаны друг к другу? Минуту? Две? Десять? Сколько специалистов сошло с ума от такого соседства? Много. В любой момент блуждающий мог перетянуть его на свою сторону, в свой мир. Но придумавшие это просчитались. Грош очнулся раньше и отрезал канал. Плевать, что призрак освободился и исчез в неизвестном направлении, сейчас надо думать о себе.

— Уби-и-и-или! — голос сорвался.

Макс бросился к окну, но крикун стоял где-то вне зоны видимости. Он тряхнул решетку, подбежал к следующей с тем же успехом. Голоса слышались все ближе и ближе. Панические многоголосые вопросы и такие же бестолковые ответы.

Он выбежал из пустой комнаты в коридор. Двери, стены, спуск в подвал, лестница на второй этаж и еще выше на чердак. Там, на самом верху, было круглое окно, на котором не было решетки, и он вполне мог бы выбраться на крышу. Дом старой постройки, высота потолков — под пять метров, умножаем на два этажа и получаем, что прыжок с крыши оставит после себя неизгладимые воспоминания и переломанные ноги.

Но выход должен быть. Как и вход. Он же не блуждающий, через стены проходить не может. Парень бросился дальше, дверь должна быть где-то с противоположной стороны здания. И она там была, запертая на замок. Значит, кто-то позаботился и обзавелся ключом. Он бы точно позаботился, планируя подобную подставу.

Макс заставил себя остановиться, а не метаться от проема к проему, заставил себя думать, вспоминать все, что он знал о доме художника, все, что видел. Окна с решетками, стены из красного кирпича, крыша из листового железа, трава во дворе, осколки стекла, старое заброшенное строение, в которое изредка лазали дети, чтобы пощекотать себе нервы.

— Кого уби... ох ты ж! — прозвучало очень близко.

Он вспомнил. Макс бросился обратно в коридор, лестница в подвал уже попадалась ему на глаза. Там внизу тоже были окна, узкие и вытянутые. Окна без решеток. Он сам видел, как неделю назад одно из них заколачивали щитами, после того как кто-то из пацанов свалился туда и что-то сломал. Но окон было два, на второе у местных не хватило энтузиазма. Или фанеры.

— Убили!

— Чего блажишь? Корпус вызывай!

Парень бегом спустился по широким, уводящим во мрак ступеням, перед глазами замаячил прямоугольник, сквозь который пробивался тусклый вечерний свет. Окно было целым. Грош подбежал к стене, ухватился руками за кирпич, чуть приподнялся и потянул за тугой шпингалет. Рама упала на него, едва не придавив пальцы, у матери точно так же старенький бар в серванте открывался. В лицо дохнуло летним воздухом, запах тепла, травы, солнца — и никакой вони блуждающих. Макс отошел на два шага, взял короткий разбег, подпрыгнул, зацепился уже за раму, уперся ногами в стену и, подтянувшись, стал протискиваться в щель.

— Психов надо звать, — голос, раздавшийся из-за угла, заставил парня замереть на месте. — У Ирыча кровь из ушей хлещет, это призрак.

Грош выдохнул и возобновил движение. Окно было узким, затрещала ткань, и дерево старой рамы наждаком прошло по плечу, царапая кожу. Будь на его месте кто-то более массивный, вроде Самарского, ничего бы не вышло. Макс стиснул зубы, дернулся и почувствовал, что свободен. Руками он зацепился за траву, ногами оттолкнулся от рамы. Стекло оглушительно зазвенело, осыпаясь осколками ему на ботинки.

Разговоры тут же стихли. Парень мысленно выругался, ведь почти ушел, и, уже не скрываясь, вскочил на ноги. Из-за угла выскочили двое. Студент побежал в противоположную сторону.

— Держи! — закричали за спиной.

Макс свернул в переулок, потом в еще один, и еще. Он бежал, менял направления, улицы, бежал, не останавливаясь, до тех пор, пока крики не стихли. Не так уж много смельчаков бросилось в погоню. Но его черную форму, без сомнения, срисовали. Он прислонился к стене, бессознательным жестом потирая запястье, к которому был привязан призрак, кожу чуть заметно саднило. В поселке звучал собачий лай и ругань, предлагающая всем горлопанам заткнуться. В нескольких домах зажегся свет.

Грош вышел на окраину и стал обходить Некропольский по дуге. Все, что ему было нужно, это поскорее оказаться в тишине своей комнаты и подумать. Хорошенько подумать.

Урок второй

Психология

Тема: «Виды общения»

Рассвета он дождался с большим трудом, и едва посветлевшее небо начало раскрашивать горы мягкими красками, не выдержал. Вышел в коридор, миновал тринадцать дверей по правую руку от себя и толкнул четырнадцатую. Комнаты студентов не запирались, исключений из этого правила не было. Парень подошел к окну и рывком отдернул штору.

Макс огляделся и мысленно присвистнул. Обучение в Пси-Академии было бесплатным для всех, этот закон ввел один из первых императоров, и его потомки отступать от него не собирались (к великому разочарованию министра экономики). Платили студенты только за место в общежитии, да и то не все. Для таких, как он, всегда находилась бесплатная койка без тумбочки в общей комнате. Но студентам с тугим кошельком непременно предоставляли кое-что получше. Раньше повода заглянуть в комнаты «золотой» молодежи Академии у него не было. Просторная, метров двадцать, спальня с широкой кроватью, стенным шкафом и полноценным рабочим местом и дверь в санузел, тогда как Грош пользовался удобствами «на этаже».

Артем приподнялся, сонно похлопал глазами, нахмурился и с удивлением посмотрел на Макса.

— Надо поговорить, — обрадовал того парень.

— Что, совесть проснулась?

— Шутишь, она умерла в страшных мучениях много лет назад. — Грош присел на подоконник и скрестил руки на груди. — Но тюрьма не входит в мою образовательную программу.

— Не преувеличивай. Ты не брал этот куб, да и факт кражи еще надо доказать. Покосятся пару дней с подозрением, тебе не привыкать.

— Ты не все знаешь. — Макс почесал запястье и стал рассказывать.

Через пятнадцать минут Артем уже ходил босиком по комнате и задумчиво хмурил лоб.

— Призрак, которого к тебе привязали, и тот, что исчез из хранилища, — это один и тот же блуждающий?

— Хватит шутить, отличник. Я понятия не имею, какой куб исчез.

— Не дергайся, двоечник, — в тон ему ответил сокурсник. — Но в совпадение, в двух бесхозных призраков поверить очень сложно.

Ответить на это Грошу было нечего, он и сам не раз думал об этом ночью.

— Допустим, что это так, — стал рассуждать Самарский. — Что это нам дает? — Макс пожал плечами. — Тому, кто украл куб, очень нужен ты! Не скажешь зачем?

— Нет. Хотят вышибить из Академии? Так я и сам бы с удовольствием ушел, но не пускают. — Парень развел руками.

— Логично. Убрать тебя отсюда можно лишь в двух случаях: объявить психически недееспособным или осудить по уголовной статье.

— Прекрасные перспективы. — Парень одернул манжет на зудящем запястье.

— Уверен, что тебя не опознают? — Артем остановился и посмотрел на Грошева.

— Уверен, но форму я засветил. Искать будут здесь. Плюс следы, — он поднял ногу с армейским ботинком, — сорок четвертого размера, это сузит круг до мужской половины учащихся.

— Значит, с утра стоит ждать гостей. — Самарский перевел взгляд на ладони Макса и вдруг рывкнул: — Покажи руки!

Грош задрал рукав. Там, на светлой коже, алым браслетом выделялся след от привязки. Точно, как картинка в учебнике о несовместимости мертвого и живого.

— Так, — зловеще протянул отличник. — Если они догадаются провести сканирование на предмет соприкосновения с блуждающим...

Он еще не договорил, а по зданию уже разнесся сигнал побудки.

— На двадцать семь минут раньше. — Макс посмотрел на часы. — Не к добру.

— Я что-нибудь придумаю, обещаю, — кивнул Артем.

— Ты не обязан.

— Нет. Но мне нужен вор, вору нужен ты, значит, придется потерпеть меня рядом.

— Переживу. — Грош направился к двери.

— Ты в первый раз обратился за помощью, — сказал ему в спину сокурсник, и в его голосе не было ни грамма насмешки.

— Иди ты, отличник.

До сканирования Нефедыч созрел еще до обеда. То, что в лагере все не так, как обычно, заметили все. Ранняя побудка, изменения в графике практикумов, озабоченные лица преподав. Слухи поползли сразу после завтрака, убийство в Некропольском держали под большим секретом, и потому студенты обсуждали его на каждом углу, на лекциях, полигонах, в столовой.

Старший был готов на все, чтобы снять подозрения с лагеря, поэтому сканирование учащихся, подходящих под описание очевидцев, началось еще до прибытия следственной команды. Первая же проверенная группа растрепала об этом, едва за их спинами закрылись двери диагностического центра.

Их курс должен быть следующим. Вишня на полигоне сразу разделила их на десятки, максимум через полчаса его тоже ожидала эта сомнительная честь. В ожидании этого их заставили бегать. Более глупое занятие сложно представить. По полигону то тут, то там были «расставлены» блуждающие, вернее, зарыты кубы с их останками, к которым привязаны вернувшиеся. Ни одного свободного. Обычный тренинг. Задача студентов — пробежать всю полосу, не заступив за линию привязки. Это имело смысл для первых бегущих, остальные легко ориентировались по оставленным на песке следам.

Макс поймал обеспокоенный взгляд Артема и дернул плечом. Выхода не было. Мелькнула мысль найти Арчи и рассказать все самому. Этот, по крайней мере, выслушает. Но Грошу претило идти к тому, кому три года назад в запале пообещал, что скорее сдохнет, чем попросит о помощи.

Они бежали, и время продолжало мчаться вместе с ними. Макс попытался представить, что будет после того, как на его запястье обнаружат энергетический след, но фантазия на этот раз буксовала.

Парень обогнул очередное «плохо пахнущее» место и едва не налетел на того, кто бежал впереди. По закону подлости это оказался Сенька Соболев, но сегодня тому было не до мести. Сокурсник смотрел куда-то вперед, туда, где раздавались раздраженные выкрики:

— Что ты делаешь?

— Нельзя!

— Настя, стой!

Парни посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, побежали. Начало представления они пропустили, но домыслить было нетрудно. Лисицына вляпалась в привязку. На экзамене это означало бы автоматическую пересдачу, на тренировке же — максимум нагоняй от Вишни, а учитывая ситуацию в лагере, и вовсе можно было надеяться замять инцидент. Но Настя то ли от злости, то ли по дурости резанула энергией по нити. Дала, что называется, сдачи мертвому существу. Призрак получил свободу. Девчонка не была полной дурой и попыталась ухватить его в петлю, но тут подоспели сокурсники, зашумели и она сбилась. Блуждающий вырвался.

Вернувшийся отшатнулся от студентов, рванул назад, и в этот момент вперед вышел Самарский, рыцарь без страха и упрека.

Вчера Макс удивился, встретив отличника в компании Косы, потому что девушкой Артема всегда числилась Лисицына. Но, видимо, что бы ни произошло между голубками, это уже или было улажено, или улаживалось сейчас.

Парень шагнул вперед и замер, погружаясь в мир энергий, запахов и ощущений. Глаза для работы с силой не нужны, они необходимы для того, чтобы не врезаться в стену и не попасть под машину. Их сила невидима. Артем выбросил петлю, Грош ощутил сильное изящное движение гибкой нити. Энергия захлестнула вернувшегося, и отличник рывком затянул ловушку. Блуждающий, не собираясь сдаваться, дернулся, не давая концам нити соединиться и связать его. Патовая ситуация: псионик тянет в одну сторону, блуждающий — в другую.

Грош бы на месте Самарского раскрыл петлю, отпуская призрака, одновременно закрутив нить силы в противоположную сторону, и захлестнул противника обратным ходом. Сокурсник пришел к этому же выводу с опозданием в несколько секунд.

Нить раскрутилась, призрак стал уходить, но не в сторону, а вверх. Артем скорректировал направление энергии, и это решило все. Один конец, как и ожидалось, обвился вокруг вернувшегося, на этот раз не оставляя тому ни тени шанса. Но отличник допустил ошибку: чтобы не дать блуждающему уйти, он слишком сильно дернул петлю на себя и не удержал свой конец нити. Нет, он не потерял контакта с энергией, и она не рассеялась в пространстве. Она проскользнула сквозь его руку дальше. Теперь Артем держал нить не за конец, а за середину. Модификация «посох» (определил парень). Не самая удачная для петли. Призрак в очередной раз дернулся, свободный конец энергии хлестнул в сторону зрителей. И за мгновение до того, как все случилось, Макс понял, что намеревается сделать Самарский, что он придумал для него.

Парень силой заставил себя оставаться на месте, хотя все инстинкты кричали о надвигающейся опасности. Он заставил себя стоять, даже когда рядом кто-то предупреждающе закричал. Он только поднял зудящую руку, будто бы в защитном жесте. Свободный конец чужой петли обвился вокруг запястья. И тогда Артем отпустил нить. Она перестала принадлежать человеку, он подарил ее призраку, предварительно завязав бантиком на руке Грошева. Канал, соединивший мертвого и живого, налился яростью. Именно так и делаются точечные привязки. Второй раз за двадцать четыре часа к нему приковывают потустороннее существо. Самарский поставил ему еще один след (прямо поверх первого) и сделал это на глазах у всего курса. Вряд ли теперь у кого-то возникнут вопросы, где он

заработал украшение.

Подобные соединения можно сравнить, например, с теплогенератором, от работы которого счетчик потребления энергии крутится как сумасшедший. Каждый миг соединения блуждающий высасывал из псионика энергию. Это не больно и практически неощутимо, но когда она закончится, призрак перетянет его по этой нити в свой мир. Самарский чертовски рисковал — с его-то совестью.

Макс почувствовал, как сознание уплывает куда-то во тьму — сказались бессонная ночь и недавний удар по голове. И прежде чем ткнуться носом в песок, он успел услышать тоненький смех. Кому-то очень понравилось, как лучший ученик проучил худшего.

Очнулся Грош в лазарете, вздрогнул от боли в руке и открыл глаза. Седовласый доктор как раз выпрямлялся, держа в одной руке шприц, а второй прижимая остро пахнущую вату к сгибу локтя.

— Сколько пальцев видишь? — Мужчина приблизил раскрытую пятерню почти к самому носу парня.

— Примерно сотню.

— Шутник, — раздался знакомый голос.

Макс повернул голову — на соседней койке сидел серьезный Арчи. Парень подтянулся и сел. Доктор тут же попросил его посмотреть на молоток и поводит из стороны в сторону: то приближая, то отдаляя.

— Головокружение? Тошнота?

— Нет.

— Если появятся — немедленно известите. — Врач выпрямился, кивнул преподу и вышел из палаты.

Студент спустил ноги на пол, мимоходом заметив, что запястье обработали и туго перебинтовали.

— Что вы там устроили? — спросил Арчи.

Макс пожал плечами, продолжая зашнуровывать высокие ботинки.

— Мне сейчас на сканирование? — спросил парень, выпрямляясь.

— Тебя уже осмотрели. — Мужчина задумчиво кивнул на дверь, за которой скрылся врач. — Не забудь взять заключение, иначе компенсацию не получишь.

— Что?

— Самарский у всех на виду привязал к студенту призрака, что нанесло твоему нежному организму непоправимый вред и заставило испытать моральные страдания, — ухмыльнулся Андрей Валентинович.

— Где Самарский?

— В карцере.

— Черт. — Макс взъерошил волосы. — Скажите, что я не имею к нему претензий, пусть выпускают.

— Эвоно как. — Арчи привстал, вглядываясь в лицо парня. — Похоже, док поторопился с выводами, ты явно не в себе.

— Да, блин, я и так ему обязан за то, что он рассказал про хранилище, а ведь мог бы и промолчать.

— Как сделал бы ты, — согласился препод. — Не хочешь быть обязанным. Уже лучше. Но скажи, пожалуйста, когда тебя в старшие произвести успели?

— Что?

— А то, что по твоему распоряжению мы вдруг должны выпустить студента, совершившего грубое нарушение техники безопасности, которое поставило под угрозу жизнь другого студента.

— Черт.

— Он самый. У тебя шишка на голове.

— Упал.

— Я почему-то так и подумал. — Преподаватель встал и пошел к выходу. — Если бы ты во что-то вляпался, ты бы мне сказал, так?

— Куда бы я делся, — развел руками парень.

Макс покинул лазарет, выждав минут пятнадцать после ухода препода. Но, как оказалось, его все равно ждали. Стоило парню показаться в общем коридоре, как от стены отделилась женская фигурка. Лиса невозмутимо взяла его под руку и пошла рядом.

Он мог собой гордиться, потому что сбился с шага всего один раз, да и тот от неожиданности. Настя Лисицына, еще один представитель «золотой» молодежи Империи, ее присутствие в Инатарских горах никого не удивляло по той простой причине, что здесь был Самарский. Интересная пара — парень, словно сошедший со страниц журнала для женщин, и невысокая хрупкая девушка с простым личиком и короткими вьющимися волосами. Если Артем был «всего лишь внуком» профессора, то эта студентка выходила из рода придворных псиоников. Тех, кто на протяжении веков хранил венценосную семью от блуждающих. Неудивительно, что отличник и его семья ухватились за эту партию обеими руками.

— Тем просил передать, что порог компенсации, которую его отец выплачивает без вопросов, — шесть тысяч. — Парень едва заметно дернулся, а девушка невозмутимо продолжала: — Не скрипи зубами, принципиальность проявишь в другом деле, а деньги потребуешь уже сегодня, если не хочешь, чтобы о вашей неожиданной и нежной дружбе шептались на каждом углу. Когда закончим играть в сыщиков, сводишь нас в ресторан.

Макс хотел было поинтересоваться, что это за ресторан, в котором можно прогулять шесть тысяч зараз, но вовремя опомнился, потому что другие ее слова вызывали куда более серьезные вопросы.

— Вас?

— Нас, нас, — ответила девушка. — Он все мне рассказал. Или ты думаешь, я призраков каждый день на волю отпускаю?

— Так ты специально?

— Конечно. Тему закрыли на сутки.

— Черт.

— Он знал, на что идет. — Она покачала головой. — Больно уж ты совестливый для твоей репутации.

— Да пошла ты!

— Вот, уже лучше. Сегодня мы с тобой заступаем на ночную вахту в хранилище. — Она отпустила его и пошла дальше по коридору, теперь уже ему пришлось догонять девчонку и хватать за руку.

— Поясни, — потребовал он.

— Пришлось попросить кое-кого об услуге и изменить график. Надо выяснить: куб какого именно из блуждающих исчез и как технически была осуществлена кража.

— Но почему МЫ? — он выделил голосом последнее слово.

— А кто? — Она выдернула локоть.

Баек о спецхранилище в Инатарских горах он наслушался до отрывки еще в детстве. Стоило батю с соседом Костычем принять на грудь грамм — дватцать, как Макса тут же окидывали многозначительным взглядом, и начинался вечер сперва страшных, а потом и очень страшных историй.

В горах добывали камни. Кристаллы (по структуре своей), способные ограждать разум людей. Минералы были здесь всегда: и в периоды мертвых веков^[7], и в десятилетия стремительного развития прогресса, и урбанизации. Кад-арты были хранителями живых и защитниками от мертвых. Лет пятнадцать назад они обзавелись электронной начинкой. Грош плохо помнил детали денежной и идентификационной реформ. Одно несомненно — камни с электронной начинкой или без нее создавали вокруг носителя нулевое поле, пусть и не очень сильное, и оно в разы ослабляло психические атаки призраков.

А если этих камней много? Если первичные месторождения тянутся через весь хребет? Чем станет такое место для блуждающего? Могилой? Или тюрьмой? Горы успели побывать и тем, и другим. Века два назад здесь хоронили всех без исключения жителей Империи. Но результативность этих мер оказалась в разы меньше ожидаемой. Глубина залегания жил везде разная: где-то они генерировали поле, где-то нет. Плюс постоянная и непрерывная добыча минералов, новые шахты, туннели, мосты. Покойников приходилось часто перетаскивать с места на место. Потом кто-то предложил кремацию, и дело пошло куда как веселее.

Пока один из Императоров (Макс не помнил, какой именно) не понял, что бесконечно так продолжаться не может — горы не резиновые. Тогда-то и были основаны Ворошки. С того момента и по сегодняшний день усопшие находили место последнего приюта на равнине.

Поначалу решение не нашло отклика в народных сердцах. Оставлять призраков без сдерживающей силы гор улыбалось не всем. Но перезахоронения прошли на удивление гладко. Вернувшиеся как атаквали своих обидчиков, так и продолжали заниматься любимым делом. Никаких массовых убийств и террора от мертвых не последовало. Живые стали осмотрительней и, прежде чем дать наглецу соседу в глаз, задумывались: а не допьется ли он завтра до уютной метр на два могилки и не заглянет ли к вчерашнему собутыльнику свеженький покойничек, не вспомнит ли про подбитый глаз? В свете этого заповедь «возлюби ближнего своего» приобрела совсем другой, весомый, нежели другие постулаты, смысл.

Макс миновал полигоны, обозначенные в поздний час тихонько покачивающимися фонарями, половина из которых не горела, и стал взбираться по тропе вверх, к каменному выступу, на площадке которого находилась массивная железная дверь. Ходили упорные слухи, что Старший уже третий год обещает построить подъемник. Над входом в инатарское хранилище, где содержались те, кто как раз и мог устроить массовую бойню, тревожно мигала желтым светом одинокая лампочка.

Призраки ненавидели живых и мстили за пустяковые обиды. Несложно представить, какие драмы разворачивались, когда происходило убийство. Если уж обычное оскорбление раздувалось до вселенской несправедливости, которую надлежит исправить, что уж говорить о лишении жизни. Виновника от мести вернувшегося не спасал и кад-арт. Атака свыше десяти онн, проецирование собственной смерти в мозг убийцы — и тот либо труп, либо растение.

Впрочем, убийца мог обратиться в службу контроля пси-активности, к псионикам, подписать чистосердечное признание, получить защиту специалистов и со спокойной совестью отправиться отбывать положенную судом десятку в те же шахты по добыче камней. Другие варианты всегда заканчивались смертельно.

Но иногда призраки «сходили с ума», начиная выжигать мозги направо и налево. Ученые Академии даже выводили какие-то законы и параллели, путаную суть которых Макс так и не постиг. Кроме одной: останки таких людей сжигались, заваривались в кубы и запирались здесь, в старом могильнике.

Грош поднялся на каменный язык, вытащил свой пластиковый кад-арт и вставил в порт пропускного терминала. Лампочки на панели сменились с красных на зеленые, замок мягко щелкнул. Войдя в хранилище, парень оказался в просторном и абсолютно пустом помещении, так называемой переходной капсуле, в стенах которого столько драгоценных минералов, что где-нибудь там, за восточными пустошами, вполне можно купить себе дворец с гаремом. Вторая дверь открылась ровно через три минуты после того, как закрылась первая.

Грош шагнул в бункер. Настя уже была там, весело болтая с одним из дежурных, которых им предстояло сменить. Стандартный пост: стол, стулья, кушетка с клетчатым одеялом (почему-то в единственном экземпляре), пузатый сейф в углу, стеллаж с книгами, в основном философского и псионического содержания, на средней полке вместо потрепанных томиков — чайник и коллекция кружек разной степени немытости.

В дальней стене вытянутой комнаты была другая дверь, рядом с которой весело помаргивала лампочками еще одна электронная панель. Там начиналось хранилище, место, о котором слухов ходило не меньше, чем о полигонах смерти. Макс вспомнил трепет первого дежурства и его разочаровывающую обыденность.

— Кто старший смены? — спросил высокий блондин с широким лицом. Макс смутно помнил его по практикуму, парень учился на год старше.

— Я. — Пока он раздумывал над ответом, Лиса вставила свой кад-арт в панель.

Блондин последовал ее примеру. Весь ряд огоньков так и остался нейтрально белым, личные коды приняты, ни одного нарушения не зафиксировано.

— Пост сдал, — сказал парень.

— Пост принял, — ответила девушка.

Второй студент молча подхватил со стула куртку и толстый томик «Нефизических величин»^[8] профессора Мантурова, который снился в кошмарах всем студентам без исключения, и направился к выходу. Блондин подмигнул Насте и последовал за ним.

Смена закончилась, смена начиналась.

Они провели в молчании минут десять, чтобы убедиться, что парни на самом деле ушли и не вернутся за забытой второпях любимой кружкой и выращиваемой в ней плесени.

Лиса кивнула, снова вставляя свой муляж в панель и набирая код. Внутренняя дверь, не такая массивная и впечатляющая, как входная, открылась. В уходящем вдаль коридоре автоматически зажегся свет.

Придется написать объяснительную, на кой черт их понесло в хранилище. Не очень трудная задача — по инструкции дежурные обязаны проверять бункер по множеству причин: от мигания датчика температуры до банального «мне послышалось, там кто-то ходит», которым злоупотребляют младшие курсы.

Урок третий

Биология

Тема: «Фауна Инатарского края»

Коридор шириной метров пять, через каждые десять — ответвления в стороны. Тут можно бродить часами. Схема бункера, если нарисовать ее на бумаге, напоминала бы жилки на березовом листе. От главного, вгрызающегося в горы туннеля примерно через равные промежутки отходили коридоры чуть уже, некоторые изгибались и, соединяясь с соседними, снова возвращались к центральному, некоторые заканчивались тупиками.

Настя шла впереди, присматриваясь к стенным нишам, на железных полках которых стояли кубы. На одной полке — всего два, на другой — с десятков, третья и вовсе пустовала. Но каждая такая ниша была промаркирована: год смерти, класс опасности, подкласс силы, территориальная принадлежность. Империя большая — желательно сразу знать, куда может рвануть тот или иной блуждающий.

— Ты знаешь, весь курс сейчас делает ставки, как сильно я расцарапаю тебе морду за Артема? Убеждены, что для этого я и затеяла совместное дежурство, — сказала девушка, не оборачиваясь.

Макс хмыкнул, неосознанным жестом дотрагиваясь до кармана. Там лежала расписка. Он не просто знал, но и успел поставить. Не сам, конечно, но Шпала, задолжавший еще с прошлого зачета и прочно сидевший на мели, ухватился за возможность отработать долг обеими руками.

Странные существа люди — парень убеждался в этом каждый день, иногда даже глядя в зеркало. По логике это у него надо прощения просить, его жалеть, он пострадал, так нет же, сочувствие всегда на стороне таких, как Самарский, поэтому все предвкушают вторую серию избиения Грошева. С другой стороны, он и не ждал ничего другого, не заслужил народной любви, да и не стремился к этому.

Макс намеревался выйти отсюда с целой мордой и забрать у Игрока кругленькую сумму, которой как раз хватит на... Он отогнал мысли, делить чужую шкуру раньше времени — плохая примета. На что-нибудь да хватит. О компенсации, поступившей на счет еще до ужина, он себе думать запретил.

— Ищешь табличку «здесь совершена кража»? — спросил Грош. Лиса дернула плечом. — Тогда как мы намереваемся узнать, кого именно вынесли?

Девушка не ответила, и впервые парню показалось, что он понимает, почему все так раздражаются, когда он игнорирует вопросы.

Проходя мимо очередного уводящего в сторону туннеля, Грош чуть замедлился. Ориентироваться по запахам энергий в хранилище было трудно. Здесь было столько призраков, их сила звенела в пространстве натянутой струной, окутывая любого приблизившегося специалиста удушливой волной едких ароматов, очень разных, очень неприятных, заставляющих отключиться от этого ощущения.

Парень даже не сразу понял, что привлекло его внимание, взгляд зацепился за какую-то неправильную деталь. Макс вернулся к боковому коридору, внимательно оглядывая ближайшие ниши. Что не так? Что выбивается из общей картины стоявших ровными рядами

кубов? Ровными — вот ключевое слово. На второй снизу полке два куба сдвинулись, развернувшись друг к другу гранями, будто заговорщики. Только призраки не общаются друг с другом, им в тягость присутствие себе подобных. Между кубами по технике безопасности оставляли зазор сантиметров двадцать, не бог весь что, но все же лучше, чем постоянная вибрация, если их сдвинуть, к примеру, как сейчас. Но пока не подойдешь ближе, не почувствуешь.

— Погоди-ка, — появившаяся внезапно Настя поднырнула под руку, которую он протянул, чтобы расставить железные узилища. — Только твоих пальчиков нам здесь не хватает.

Грош тут же сжал руку в кулак и пустил. Девушка подняла один куб, затем другой, повертела в руках, расставив по разные стороны полки, и, ухмыльнувшись, указала рукой на то место, где они стояли:

— Вот твое объявление, — и, присев, со скрипом выдвинула железный ящик с документацией, который располагался в самом низу под полками.

Макс склонился к тусклому железу, на его светло-серой поверхности еще сохранились следы порошка для снятия отпечатков пальцев. Специалисты прибирать за собой не стали, сдвинули узилища и ушли. Хотя вполне могли кому-нибудь наряд впаять и всучить тряпку. Да и старенькой тетке Маше, что заведовала библиотекой и на полставки мыла учебные классы, здесь бы понравилось. Она сама не раз жаловалась студентам, если находились те, кто слушал или недостаточно быстро бегал, что скучает по горячим денькам молодости. Но Старшему Куратору сейчас не до пустяков. К вечеру прибыла следственная бригада из Заславля, он теперь изображает радушного хозяина и невинного страдальца в одном лице.

— Полка три-два, ага, их было трое. — Лисицына быстро перебирала папки. — Продиктуй номера оставшихся.

— Три-два-пятьдесят один и три-два-сорок семь. — Грошев присмотрелся к выбитым на металле цифрам.

— Методом исключения остается три-два-двадцать пять. Наш беглец. — Она раскрыла папку и, достав телефон, стала фотографировать листы. — Ты тоже скопируй. — Она протянула ему несколько бумажек.

— На фига? Скинешь потом на мыло, — процедил он. Телефон, пусть не самый модный и не самый красивый, он разбил три дня назад. Другим пока не обзавелся, и, учитывая состояние финансов, случится это еще не очень скоро.

Макс просмотрел бумаги. Блуждающий, при жизни — Лукин Ерофеиван Тиронович, умер в возрасте двадцати пяти лет, вернее, был убит отчимом, после того как заступился за мать, не дав тому в очередной раз почесать о женщину кулаки. Отчим добавил к уже немалой дозе выпитого следующую и приласкал пасынка топором по голове. Банальная бытовуха, с которой корпус правопорядка разобрался до того, как виновник проспался.

Дальше по стандартной схеме. Парень вернулся, но несостоявшийся папаша уже всю исповедался псионикам в службе контроля. Микорскому (так звали отчима) дали семь лет на шахте, где он, судя по пометке в деле, скончался два года назад. Ирония судьбы состояла в том, что призрак, обиженный на то, что убийца недосыгаем, стал срывать зло на других своих знакомых. И везде следовал одному принципу: погибали только мужчины и только те, кто хоть раз поднял руку на женщину. Эдакий мститель и защитник прекрасной половины человечества. Все бы ничего, но Макс считал, что убивать парня, который похлопал по спине подавившуюся девушку, чересчур. Итог — призрак отправился в заключение следом за

отчимом.

— Здесь сети нет, — буркнула Лиса, продолжая нажимать на кнопки телефона. — Пойду из караулки попробую.

Он кивнул, собирая листочки обратно в папку. Она могла пытаться хоть из караулки, хоть из переходной капсулы, хоть из туалета. Они внутри горы, окруженные каменной породой. Итог будет один. Но мешать девушке развлекаться парень не стал.

Грошев еще раз пробежал глазами сухие строчки досье. Третий класс опасности, второй подкласс силы. Призрак не выходил за пределы закона о сформированных при жизни связях. Все, кого он убил, были его, возможно, шапочными, но знакомыми. Впечатляла сила, второй уровень, это он двадцать, как с куста, выше — только первый, и такие монстры редкость.

Макс дернулся, отрываясь от листа с текстом. Его внимание привлек тихий шуршащий звук. Парень окинул взглядом коридор. Никого. Оглянулся назад, Лиса должна быть в караулке. Снова воцарилась тишина. Может, одна из папок в незакрытом ящике чуть сдвинулась, зацепив другую, а может, просто показалось. В таких местах вечно что-то мерещится, особенно с непривычки. Он снова вернулся к бумагам.

Зачем кому-то брать призрака? Как его можно использовать? Натравить на людей? Невозможно. Блуждающий здесь никого не знает и атаковать местных не сможет. Но ведь какой-то призрак уложил того беднягу у дома художника, а в роли подозреваемого пытались представить Гроша. Парень дал себе слово выяснить личность жертвы и проверить на возможные хвосты^[9].

Снова звук, но на этот раз уже не шорох, а скрежет, что-то твердое прошло по металлу, уже не спишешь на расшалившееся воображение. Макс захлопнул папку, сунул в ящик и задвинул ногой под полку. Дальний конец коридора, откуда доносился звук, оставался пустым. Скрежет повторился. На этот раз ближе. Лампочка впереди угрожающе мигнула. Парень осторожно пошел вперед. Через две ниши на нижней полке шевельнулся куб. Сам по себе. Как тут не поверить в жизнь после смерти?

Грош пригляделся к гладкому металлу. Предметы не могли влиять на блуждающих, а блуждающие на предметы — вполне, если, конечно, материализуются, придав энергии ту форму, что имели при жизни. По сути, они превращались в видимого всем человека, который может ходить, говорить, брать любые предметы. Исключение — живые, если материализовавшийся блуждающий коснется человека, последует «бум» — и временное тело призрака разлетится.

Энергия собралась в ладони и чуть покалывала кожу. Макс скользнул вдоль полок. Страх не было, лишь недоумение. Что могло гроыхать в нише с кубами? Словно в ответ узилище дернулось, снова издавая тот самый скребущий звук. И он, наконец, увидел, как три загнутых когтя прошли по серой стенке куба. Макс остановился.

Зверь?

Энергия, собранная в кулак, рассеялась. Пси-силой от живых не отбиться. Она способна вызвать напряжение, безотчетный страх, но в случае с животным это сработает против псионика. Лапа с когтями коснулась следующего узилища. Парень выдохнул.

Зверь тут же высунул вытянутую морду меж кубов. Сперва Макс показалось, что это медведь, а через мгновение — медвежонок, больно уж мала была башка. Животное толкнуло лапой куб. Звери, за исключением кошек, на потустороннюю жизнь реагировали вяло.

Парень сделал шаг назад, воевать с призраками его учили, ломать кости людям тоже, но отлову диких животных — вряд ли. Гость выглянул из-за полки, вода в воздухе подвижным

бурым носом.

Возможные варианты развития событий еще только пронеслись в голове парня, а за спиной уже собралась тягучая капля энергии. Ее невозможно было не почувствовать, от ее запаха заломило затылок, словно открыли флакон с растворителем, в котором они с бате́й замачивали кисти.

— Лиса, нет! — закричал он.

Но бесшумно подошедшая девушка отпустила энергию секундой ранее. Сила пронеслась мимо Макса и врезалась в стеллаж. Зверь взвизгнул.

— Офигеть, — вынесла вердикт Настя.

Грош был полностью согласен. Визг сменился шипением, в которое вплетались мяукающие скулящие звуки. Животное выбралось из-за стеллажа, вздыбив на загривке темно-коричневую шерсть. Размером с собаку, с вытянутой медвежьей мордой и пушистым лисьим хвостом бурого цвета.

— Росомаха, — опознала зверя Лисицына. — Здесь? Но откуда?

— А ты у нее спроси, — предложил Грошев.

Зверь попятился, гибкое тело по-прежнему стояло горбом. Девушка шагнула вперед, парень так и не понял зачем, но это была ошибка. Росомаха отступала, отступала от двоих противников, и движение Лисы было воспринято как угроза. Животные не думают, они действуют, подчиняясь инстинктам.

Зверь зарычал, обнажая крепкие белые клыки, и вдруг подался вперед, отталкиваясь от пола задними лапами, которые были больше и мощнее передних. Макс схватил Настю за рубашку и дернул в сторону, отбрасывая девушку на стеллаж. Зверь разминулсЯ с ее ногой сантиметров на десять. Настал черед Лисы шипеть, вернее, стонать сквозь стиснутые зубы. От боли, а может, и от испуга она совершила еще одну ошибку — снова швырнула силой. Для псиоников это на уровне рефлексов.

Росомаха разразилась серией грубых лающих звуков и, казалось, раздулась еще больше, то и дело поднимая оскаленную морду кверху и цепляясь передними лапами за пол. Настя добилась прямо противоположного эффекта. Она разозлила зверя еще сильнее.

— Прекрати, — рявкнул на девушку Грош.

Крик спровоцировал новый рывок уже в его сторону. Зверь рычал, парень развернулся, уклоняясь от зубов и когтей. Росомаха в очередной раз промахнулась, проскальзывая чуть дальше по коридору. Теперь она оказалась с другой стороны, полностью перекрывая им путь к центральному туннелю. Зверь стоял посреди коридора, широко расставив лапы и скаля зубы. Животное не горело желанием связываться с людьми, но выглядело угрожающе. С ним не надо было драться, его надо было прогнать, запереть хранилище и подать рапорт — пусть у Старшего голова болит.

Макс схватил первое, что попало под руку — куб с прахом, — и швырнул. Затем второй, попал, зверь снова то ли застонал, то ли залаял. Настя, азартно пискнув, бросила третий. Росомаха попятилась, по-прежнему скаля зубы, рык оборвался, и зверь, подбирая мохнатый зад, быстро побежал по туннелю.

«Только не направо», — мысленно взмолился Макс, наблюдая, как Настя азартно швыряет вдогонку еще одно узилище. Но его не услышали ни боги, ни кто там вместо них. Хищник резво свернул направо и побежал по центральному туннелю к караулке. Макс, остановившийся у перекрестка, как раз успел увидеть пушистый, исчезающий в проеме хвост.

— И что теперь? — поинтересовалась Лиса.

— Я что, похож на всезнайку? — рыкнул он, ударяя кулаком по стене. Краткая боль прошла от костяшек до запястья.

— В сейфе есть оружие, — сказала девушка.

— Напомнить ширину туннелей? — Парень пошел по коридору, в караулке что-то со звоном разбилось. — От трех до пяти метров, вероятность загнуться от рикошета гораздо выше, чем с первого раза пристрелить эту тварь.

— Тогда идей нет, если ты только не планируешь просидеть ночь здесь, а комнату оставить зверюге.

— Я планирую выгнать животное наружу и вздремнуть на кушетке. — Макс заглянул в комнату.

Росомаха чем-то шуршала под столом.

— Интересно будет посмотреть, — усмехнулась девушка, демонстративно доставая муляж кад-арта.

Все верно, только старший смены может управлять дверьми, а то он хотел совсем не по-мужски предложить ей загонять зверя с двух сторон.

Стоило им зайти в комнату, как росомаха высунула медвежью морду из-под стола и угрожающе заворчала, под лапами валялись обрывки бумаги, рядом белели осколки забытой на столе чашки.

Настя тут же вставила кристалл в панель возле двери и стала набирать код. Быстро, чтобы не дать себе передумать, Макс ухватил ближайший стул за спинку, поднял и стукнул ножками по столу. Зверь оскалился и сгорбился, чуть отступая в сторону.

— Будь готова открыть...

— Я уже готова, — ответила девушка. Огни на панели сменили нейтральный белый свет на зеленый, тонкий палец чуть подрагивал, зависнув над кнопкой.

Грош снова ударил по столу ножками стула, под ботинками захрустели керамические осколки. Росомаха попятилась, выходя из-под стола. Парень стал наступать на нее, чуть согнувшись и выставив вперед стул. Дверь, ведущая в переходную капсулу, открылась. Подвижные уши тревожно шевельнулись, зверь снова встал в защитную позу, шипя и скалясь. Макс сделал очередной выпад, почти касаясь стулом росомахи, когтистая лапа тут же ударила по дереву.

— Ну, пошла. — Парень толкнул тварь стулом.

Животное огрызнулось и замерло. Еще тычок, остервенелый удар лапой — и зверь попятился. Грош вытеснял росомаху за порог, готовясь подать Насте сигнал и закрыть дверь. Но стоило парню сделать шаг назад, зверь, повинаясь инстинкту хищника, разглядевшего в отступлении Макса слабость, пошел вперед, не давая человеку разорвать дистанцию. Студент снова ткнул стулом. Животное вроде отступило и тут же проворно последовало за ним.

— До утра будешь с ней танцевать? — поинтересовалась Лиса. — Если так, только скажи, я оставлю вас наедине.

— Вот ведь приставучая животиная, — процедил Грошев. — Значит, выйдем вместе, закроешь за мной.

— Внешняя дверь откроется только через три минуты.

— Уж три минуты я против большой собаки как-нибудь продержусь. — Макс пошел вперед, выталкивая стулом зверя из проема.

— Уж будь добр, — буркнула ему в спину Настя, нажимая на кнопку.

Дверь закрылась, запирая студента, стул и росомаху в капсуле. Снова беспорядочные удары лапой, на этот раз дерево хрустнуло, и одна из ножек сломалась.

Неизвестно, что напугало хищника сильнее: зажегшийся люминесцентный свет или замкнутое пространство, но животное вдруг извернулось, припадая мордой к земле, и ринулось на ноги парня. Макс отпрыгнул в сторону, с тоской думая, что три минуты — это очень много. Зверь оскалил клыки.

Грошев вспомнил, как в школе они проходили флору и фауну складчатых гор Средней полосы. Одна фраза (неведомо почему) запала в память: «Случаев нападения росомых на людей не зафиксировано». Сюда бы сейчас автора этого учебника. Животина извернулась, уходя от удара стулом, и белоснежные зубы сомкнулись в сантиметре от его лодыжки. Зверь не прыгал, не метил в горло, не ставил себе целью убить более крупного хищника — только отпугнуть. Тут их желания полностью совпадали.

Росомаха огрызалась, то отступая, то вновь приближаясь к человеку раскачивающейся угрожающей походкой. Макс удерживал ее на расстоянии стула. Да, три минуты — это много, но даже они когда-нибудь закончатся.

Зверь сменил тактику, когда Грош решил, что уже пора теснить хищника к двери. Росомаха, вытянув в очередной раз морду, заворчала, отводя голову вправо, но стоило парню переместить стул, у которого не было уже двух ножек, как она с неожиданным проворством ринулась к нему слева. Макс ударил ее стулом в бок, одновременно отпрыгивая в сторону. И не рассчитал. С зубами разминулся, а вот со стеной нет. Влетел в нее плечом и коленом, не удержал равновесия и, уже падая, подумал, что все настолько глупо, что в это никто не поверит.

Он упал вперед, почти съезжая по каменной стене. Еще одна ножка сломалась. Парень выругался от злости, крепче сжал стул и стал подниматься, подхватывая единственное оружие. И в этот момент росомаха атаковала сзади. Макс успел вскочить, лапа хищника прошла по спине, вспарывая рубашку и впиваясь в кожу. Но зацепиться животному не удалось. Грош развернулся и со злостью ударил стулом, метя в дурную косматую башку твари, но та проворно отскочила.

Дверь открылась. Учув запах ночи, ее чуть прохладный воздух, наполненный тихим шелестом ветра, росомаха припустила к выходу и, выскочив на каменистый уступ, освещенный мигающим оранжевым светом, исчезла в темноте.

Макс посмотрел ей вслед и со злостью швырнул обломки стула наружу.

— Опять порчу казенного имущества припишут, — буркнул он. — И ведь даже не возразишь. — Он ухватился за ручку и закрыл дверь.

Через очередные три минуты капсула открыла внутреннюю дверь. Настя с пистолетом в руках целилась куда-то в область коленей. Сейф за ее спиной был открыт.

— Убери, пока не поранилась, — сказал Макс, проходя в дежурку.

Парень, морщась от боли в саднящей спине, расстегнул ремень. Лиса присвистнула, опуская оружие.

— Все-таки без царапин не обошлось, ребятам понравится, — она хихикнула.

— Еще бы. — Грош расстегнул рубашку. — Учитывая, что раскорякали мне спину, я вполне смогу объяснить их как-то иначе. — Он выразительно посмотрел на кушетку. — Расстроенная девушка, не очень порядочный парень, воспользовавшийся положением...

— Ты не посмеешь, — прошипела она, пистолет по-прежнему смотрел дулом в пол. —

Раны от звериных когтей не спутать с... с... — Она не смогла подобрать слов, чтобы закончить свою мысль.

— А ты проверь.

— Урод. — Она подошла к сейфу и стала разряжать оружие.

Макс стянул рубашку, открыл дверь в санузел и попытался в зеркале над раковиной через плечо разглядеть рану. Три параллельные полосы наискосок перечеркивали позвоночник чуть выше поясницы. Кожа зудела, но не более того, кровь уже начала сворачиваться. Парень открыл висящий рядом с зеркалом шкафчик с красным крестом, достал бутылочку, оторвал кусок бинта.

Дотянуться до раны оказалось сложнее. И потому, когда дверь снова открылась и прохладные пальцы выдернули из его руки бинт, он не стал возражать. С какой, собственно, стати? Хоть на что-то дельное она сгодилась. Макс смотрел в зеркало, молча наблюдая за тем, как девушка осторожными касаниями стирала кровь с кожи. Она быстро закончила с царапинами, выбросила порозовевший бинт в урну. Тонкие пальцы поднялись чуть выше, касаясь одного из старых шрамов.

— Что это?

— В детстве с кровати упал.

— Ага, — согласилась она, — на решетку, — ее рука прошла по следующему поперечному рубцу. — А потом встал и снова упал, и так раз десять.

— Не преувеличивай. — Он взял брошенную на край раковины рубашку и вышел.

— Я все думаю о росомaxe, — торопливо проговорила Лисицына, но отчего-то не решаясь поднять глаза от пола.

Где та воительница, что минуту назад держала в руках оружие?

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем ты о ней думаешь? — Он накинул рубашку на плечи, кровь на черном материале была не так заметна.

— Как она здесь очутилась? — Девушка вышла следом. — Не через капсулу, это точно. Значит, в бункер есть другой вход, лаз, не знаю, отдушина вентиляции.

— Нам-то что до этого?

— У нас в лесном домике одна такая тварь разворовала все припасы. — Лиса села на уцелевший стул и вытянула ноги. — Отец сильно разозлился, — Макс взял со стола ремень, — и не стал больше завозить продукты, тем более что мы с матерью и братом отдыхали в Ладии^[10]. Но эта тварь не успокоилась, она вернулась в дом и разорила две комнаты. Оборвала занавески, растерзала книги, выгрызла обивку из стульев, перебила посуду, — Лиса вздохнула и, наконец, подняла на него взгляд, — зверюга возвращалась снова и снова, пока егерь не пристрелил ее.

— Это ты к тому, что она может вернуться?

— Это я к тому, что если есть ход, она вернется.

— Нас здесь уже не будет.

— Уверен? Ни разу не случалось дежурства вне графика получать?

— Черт, как тебя Самарский терпит? — простонал Макс и направился обратно в бункер. — Тут до утра можно искать.

— Право или лево? — К Насте вернулись уверенность и хорошее настроение.

— Право, — нехотя выбрал сторону Грош и, не дожидаясь Лису, быстро пошел по

коридору.

Осмотр инатарского хранилища оказался весьма скучным занятием. Бесконечные ряды кубов и металлических полок. Туннель за туннелем, и он снова оказывался в центральном, иногда замечая в противоположном ответвлении кудрявую голову девушки. Иногда слышал, как она напевала. Заблудиться здесь практически невозможно, коридоры были не особо длинными и либо заканчивались тупиками, либо, загибаясь, снова возвращались к центральному, прямому, как стрела, туннелю.

Везде, где он успел побывать, стены оставались прохладными, шероховатыми и целыми. Макс заглянул в лабораторию — единственное квадратное помещение в хранилище, не считая караулки. Постоял на пороге, оглядывая белый кафель, железные столы, инструменты, сварочный аппарат в углу, болгарку. Уголок — мечта маньяка-расчленителя. На скамье, прозванной псиониками «последней», стояли в ожидании своей участи два куба. Призраки, которые уже «умерли». Скоро их узилища вскроют, неактивный прах выкинут, а кубы будут ждать новых постояльцев.

Вопреки народной молве призраки не живут вечно. Высвобождающаяся после смерти человека энергия имеет свойство заканчиваться. Ее можно пополнить, и людская память — лучшая «батарея» для призраков. Пока жив хоть один человек, помнящий умершего, блуждающий будет существовать, материализовываться, атаковать, ненавидеть. Но время идет, и год за годом остается все меньше и меньше друзей, родственников, знакомых. Наступает такой день, когда все, знавшие человека при жизни, отходят в мир иной. Кто-то возвращался, кто-то нет, но это уже не важно. Забытый призрак слабеет, а потом просто исчезает. Иначе при том, что из умерших возвращается процентов восемьдесят, на этом голубом шарике жили бы одни призраки, не оставив места людям.

Прежде чем наткнуться на завал, Грош осмотрел десятка три коридоров и успел мысленно послать Лису с ее идеями в карцер к Самарскому. Дойдя до конца очередного туннеля, закончившегося тупиком, Макс увидел осевшую на пол мелким крошечком часть стены, за ней виднелось нагромождение камней побольше, словно в этом месте коридор был проложен не в монолитной породе, а сложен из булыжников.

Как говорил Игрок, бывший родом из такого же поселка, как Некропольский, горы иногда шевелились. Иногда люди чувствовали это шевеление, иногда нет. Тут всего лишь просевшая порода, даже полки с кубами не задело. Макс подошел ближе и пнул камень. Между двумя самыми громоздкими валунами образовалась щель шириной с кулак. Парень даже просунул в зазор пальцы, но до следующего камня не дотянулся.

Кошка бы, пожалуй, пролезла, росوماха при всей ее ловкости — вряд ли.

— Максим, — крик Лисы эхом отскочил от стен, заставив его вздрогнуть. Так называла его мать, да и то, когда он в очередной раз что-то накосячил.

Парень вернулся в центральный коридор, Настя выбежала из третьего от него ответвления.

— Я нашла. — Девушка улыбнулась. — Я нашла ход. Помнишь, сейсмические датчики подняли тревогу, нам потом говорили, что в шахте на северном склоне произошел обвал?

— Нет. — Макс последовал за Лисицыной.

— Говорили, говорили. Видимо, бункер тоже задело. Смотри. — Она жестом указала на еще одну россыпь камней, не в пример бóльшую, чем нашел он. Стена между двумя нишами выглядела так, словно по ней долго стучали молотком, пока не пробили дыру с неровными краями, и большая часть камней оказалась с той, а не с этой стороны.

Грош склонился к пролому, кожи коснулось чуть прохладное дуновение ветерка. Куда бы ни вел этот лаз, заканчивался он на поверхности.

— Удивительно, что никто ничего не заметил ранее, — сказала девушка.

— И мы бы не заметили, если бы не зверь. — Он коснулся края камня. — Горы изрыты ходами, как червивые грибы. Старые шахты, новые шахты, засыпанные или нет захоронения.

— Ты же знаешь, что наш бункер не единственный. — Настя тоже склонила лицо, оказавшись в непосредственной близости от него. — Говорят, раньше все хранилища соединялись ходами и можно было перейти из одного бункера в другой, не выходя на поверхность, — прошептала она.

Макс выпрямился. Она была права. На самом деле хранилищ, сохранившихся со старых времен, было несколько. Отданный Пси-Академии бункер назывался Учебным. Существовали еще Исследовательский, Экспериментальный, Третий (куда подевались первые два, Грош не знал), Старый и, само собой, Императорский.

Члены монаршей семьи умирали как люди, какими они, за исключением первого императора, и являлись. Они тоже возвращались вредить после смерти, а это никуда не годилось, не вязалось со светлым образом династии. К тому же разногласия семьи не должны были стать достоянием общественности. Почивших членов правящего дома провожали в бункер со всеми почестями и хвалебными речами. Там же хранили и наиболее ценные реликвии трона. Под охраной семейных призраков их не то что украсть, к ним даже приблизиться не осмелятся.

Макс еще раз взглянул на дыру и пошел обратно.

— Ты чего?

— Ты нашла, что хотела, — не оборачиваясь, сказал парень.

— Да, но не оставлять же все так...

— Предлагаешь залить бетоном? Заколотить? Так прости, я бетономешалку и молоток в других штанах забыл, к прическе не подходили. — Он притормозил и все-таки посмотрел на девушку. — Я иду спать. Хочешь — присоединяйся.

— Скотина, — буркнула Лиса.

Через несколько минут Грош уже вытянул ноги на кушетке и закрыл глаза. Он слышал легкие шаги девушки, слышал щелчок закрываемой двери и даже слышал ее дыхание, когда Настя склонилась над его лицом, с минуту пристально его разглядывая.

Урок четвертый

Физическая культура

Тема: «Бег с препятствиями»

Дежурные ночной смены освобождались от утренних лекций, чтобы отоспаться. Это и намеревалась сделать зевающая Настя. Место на единственной кушетке Макс освободил ей ближе к утру. Сам же Грошев предпочел прогуляться в Некропольский, зашел в маленький павильон местного оператора связи, без энтузиазма поглазел на пяток моделей сотовых телефонов и ушел. Перебьется — мать все равно отказывалась звонить на трубку, считая это расточительством, а больше с ним разговаривать некому.

Потом его за каким-то чертом понесло к дому художника. Он вряд ли смог бы ответить, что там забыл. Но через сутки с небольшим парень снова стоял на том же месте, где схлопотал по голове. Стоял, смотрел и ждал хоть каких-нибудь откровений. При свете дня место выглядело обыденным. Двухэтажный дом художника, приземистый пятистенник напротив, проулок между ними хорошо просматривался, вплоть до забора следующего участка. Откровение задерживалось.

Чуть ниже по улице гомонил и собирался народ, эмоциональные выкрики чередовались с не менее эмоциональной жестикуляцией. Парень неторопливо приблизился, черная форма удостоилась нескольких взглядов, но и только. С утра по поселку бродило с десятков студентов.

— Что она делает-то? — Дородная женщина прижала руку к необъятной груди, закрывая ярко-синий кад-арт.

— Не по-божески, — добавила вторая, ее камень был спрятан под растянутую вязаную кофту.

— Еще Ирыча не схоронили. — Дедок в рубашке крикнул.

— Да заткнись ты, — повернулась к нему бабка, ее фиолетовый камень, навскидку конхит, качнулся на белой тесемке. — Много она хорошего от него видела, чего ж удивляться.

Макс встал рядом со столпившимися у красного забора людьми. Все смотрели на деревянный дом и на женщину, которая в остервенении вытаскивала во двор вещи и кидала их в бочку, где весело пылал огонь.

— Сперва сын сбежал, теперь мужа убили, — проговорил мужчина в спецовке, стоящий ближе всех к Грошу. — Бедная баба.

Женщина со свинцово-серым кад-артом на груди решительно бросила в пламя две пары обуви. Действия при всей их истеричности напоминали ритуал. Рубашка, засаленный ватник и даже книга — все принял огонь.

— Ну и свезла бы в шахты острожникам, — не унимался дедок. — Палить-то зачем?

— Эх, Рутка...

Парень почувствовал это внезапно. Чужой, толкающий в спину взгляд. Макс, заставляя себя оставаться внешне спокойным, не торопясь, пошел вдоль забора, словно потерявший интерес к зрелищу зевака. Десять шагов до конца участка, он бросил рассеянный взгляд через плечо, женщина швырнула в бочку удочки. За ним шли двое. Точные движения, цепкие глаза. И хотя на мужчинах, обходящих толпу, не было формы, парень готов был спорить на

все свои деньги, что она у них есть. И вполне возможно, что такая же черная. Но пока они шли следом в простых рубашках и со спрятанными кад-артами, у него развязаны руки, он не обязан подчиняться всяким недоумкам. Если они хотели пообщаться с Максимом Грошевым, им придется сделать это немного по-другому.

Парень свернул в переулок и быстрым шагом, почти бегом, бросился за угол дома. Скрывшись с глаз толпы, он ухватился за забор из красных досок, перепрыгнул, пригнувшись, миновал старый, со сдутыми покрышками автомобиль и замер под прикрытием куста шиповника.

Мужчины показались через секунду, они обменялись взглядами и разошлись в разные стороны. Коротко стриженный брюнет, не останавливаясь, пошел дальше, а патлатый задержался у кустов.

Шум голосов, который отдалился, когда Макс ушел с улицы, стал приближаться. Худощавая женщина, радовавшая своим костром народные сердца, решительно вышла на задний двор. В руках у тетки была канистра, она остервенело выплеснула жидкость на взросую в землю машину. В нос ударил резкий запах горючего.

— Рутка! — закричал выбежавший из-за угла мужчина в синей майке и трениках. Он неловко перебирал ногами в растоптанных кроссовках. — Машина-то в чем виновата? Остановись, дурна баба!

Грош был согласен с мужиком. Судя по состоянию автомобиля, горючего в нем не было, и взрыв им не грозил, но огонь мог запросто перекинуться на дом, не локализованное бочкой пламя очень сложно контролировать. Но у тетки было другое мнение, потому как она, уронив канистру на траву, настойчиво чиркала спичками. С улицы стал подтягиваться народ, сообразив, что представление продолжается. Доводы разума затерялись в многоголосых выкриках.

Макс, сосредоточившийся на женщине, совсем упустил из поля зрения преследователей. И то, что его ухватили за волосы и вздернули голову кверху, стало для парня большой неожиданностью. Длинноволосый, в отличие от него, не отвлекался на массовку и успел перелезть через забор. Он ухватил Макса нарочитым, унижительным жестом — так поднимают за шкуру щенка. Было бы проще дать по шее.

В толпе вскрикнули, указывая на новых действующих лиц. Женщина со спичками, которые все никак не хотели зажигаться, неприлично широко открыла рот. Посторонние в поселке не редкость, в округе не меньше десятка шахт, то и дело нанимающих работников, плюс лагерь псиоников, но обычно пришлые не залезают в чужие огороды, если не хотят, чтобы их побили, конечно.

— Простите, мой племяш-ш-ш с-с-с...

Как патлатый собирался объяснить их присутствие, местные не узнали. «Племянник» заехал локтем «дяде» под дых.

Мужчина согнулся, Грош ударил еще раз в основание шеи. Преследователь упал. Это в фильмах героя надо мутузить минут тридцать, прежде чем тот свалится, в жизни же люди гораздо уязвимее, чем пытается представить студия «Импермакс».

Не дожидаясь аплодисментов со стороны зрителей, Грош бросился к забору, не останавливаясь, перескочил ограду и побежал. Что ж, на этот раз недостатка в тех, кто сможет опознать студента, не предвидится. Судя по доносившимся крикам, впечатление он произвел незабываемое.

Парень выбежал на параллельную улицу, свернул за угол, планируя обежать деревянный

дом. Умник, блин. Бегал он, конечно, быстро, но забыл, что преследователь был не один. Стриженный ушел в противоположную сторону, но, видимо, успел вернуться. Макс стало не до рассуждений, когда его ударили в ухо.

В голове загудело, картинка перед глазами дрогнула и накренилась. Парень упал под ноги стриженному. Мужчина размахнулся и пнул Гроша в бок, даже не очень больно, скорее для острастки.

— Шустрый пацан, — процедил он, примериваясь пнуть снова.

Макс не очень любил, когда его били, и по возможности старался пресекать. Он поймал чужой приближающийся ботинок и повернул. Лодыжка — очень уязвимое место. Грош резко развернул ступню и оттолкнул от себя. Мужчина всплеснул руками, чтобы сохранить равновесие, не преуспел и завалился спиной в забор. Макс тряхнул головой, звон в ушах то приближался, то отдалялся. Он встал на ноги раньше стриженного. Ни пинать, ни вступать в открытую схватку студент не стал, он поступил так, как подсказывал ему разум, — снова побежал. Его преимущество — в скорости, в том, что он знал эти улицы, а преследователи, кем бы они ни были, нет.

Он не обыватель, ограбивший по пьяни торговую точку, он не боялся ни корпуса, ни службы контроля. Он мог бы остаться и выяснить, в чем дело. Но что-то подсказывало ему, что мужики будут злы, они не посчитали тощего пацана с цыплячьей шеей достойным противником, за что и огребли. Теперь ничто не помешает им отыграться. Выяснять мотивы незнакомцев он предпочел бы не с разбитой мордой и сломанными пальцами.

Макс остановился на северо-восточной окраине, когда понял, что никто его не преследует. Он ухватился за шаткий забор, восстанавливая дыхание. Происходящее нравилось ему все меньше и меньше. В Империи как-то не принято хватать на улице студентов Академии. Стоит как можно скорее вернуться в лагерь. Если преследователей послал Нефедыч, то бегать бессмысленно. Но если нет, то стены могут послужить защитой от таких вот жаждущих общения энтузиастов.

— Грошев Максим, — раздался голос, в котором в равной степени смешались укор и радость. — Ты почему не на лекциях?

Парень обернулся, он не предполагал встретить здесь человека, которому не наплевать, жив он или мертв, не говоря уж о лекциях. На крыльце соседнего дома стояла бабка Маша, библиотекарь и уборщица в одном лице.

— Иди сюда. — Женщина взмахнула рукой, парень нахмурился, не понимая, что могло ей понадобиться. — Иди, не съем. Даже наоборот, ты обедал?

Грош еще не понял, к чему все это, а поймал себя на том, что мотает головой, а руки сами открывают калитку.

— Давай-давай, — поторопила бабка, когда он замешкался у порога. — Суп стынет, да и котлеты.

Парень скинул в узких сенях ботинки и прошел в светлую комнату. Белые кружевные занавески на окнах, дощатый пол, вязанные половички, скатерть на круглом столе — все в лучших традициях. Жаль, что у него не было ни одной бабушки.

— Руки вымой, — приказала хозяйка, и он послушно пошел к белой эмалированной раковине. — Садись, а то и впрямь остынет.

— Кого вы ждали? — спросил Макс, подходя к столу и оглядывая полностью сервированный обед.

— Кого-кого, — библиотекарьша села напротив и подперла голову рукой, — постояльца

своего. А он, стервец, не пришел. Привар сказал, его машину на выезде видали. В Шорому подался али еще дальше и хоть бы предупредил. — Она поджала губы. — Ешь давай, а то все смотрю на тебя и дивлюсь, как от ветра не падаешь, удоба.

— Угу. — Парень попробовал суп и взял хлеб. — Комнату сдаете?

— Сдаю. — Она кивнула. — Тут все сдают. Давеча шахтер жил, полгода аж, да к семье уехал. Теперь этот, молодой да ранний, тоже за романтикой потянуло.

— Романтикой? — Макс ел, пропуская половину разговора мимо ушей, библиотекарьша была болтливой, но в отличие от остальных никогда не шпыняла Гроша, даже после того, как студент продал одну из книг налево.

— Романтикой. — У нее это слово получилось каким-то пренебрежительным. — В горах много камней и не меньше охотников на них.

— Продажа кад-артов частным лицам запрещена, — проговорил он с набитым ртом.

— Куда торопишься, не отберут ведь. — Она встала, забрала у него пустую тарелку и пошла на кухню за вторым. — Это по закону, тут много любителей искать обходные пути.

Она чем-то там загремела, а Макс быстро поднялся и, отодвинув занавеску, выглянул на улицу. У соседского забора мочился на доски кудлатый пес.

— Ну, бог с ним, с постояльцем. — Бабка Маша вошла в комнату с тарелкой дымящейся гречи, Грош вернулся за стол. — Ты лучше расскажи, чего на тебя Нефедыч взъелся? Опять у него погоны с кителя срезал, что ли? — Макс едва не подавился. — Ну, будет, будет. — Она хлопнула его по плечу.

— Откуда вы... то есть это не я.

— Не ты, не ты, — согласилась она, — не ты с Игроком спорил, не ты деньги получал в отделе периодики. Не слушай бабку, она слепая и глухая, шаркает себе потихоньку и ладно. Сейчас-то что? Погоны с утра вроде на месте были, когда он перед шоромскими специалистами гоголем ходил.

— Про убийство слышали? — вздохнул парень.

— Слыхала, весь Некропольский гудит. Ты, что ли, его? — Она провела ладонью по горлу, и парень подавился уже по-настоящему. — Ну, будет уже. — Она снова стукнула его по спине. — Экий студент нежный пошел, шуток не понимает. Знаю я, что его призрак прибрал, да чего там, все знают. Ты-то с какого боку?

— Хр. — Парень откашлялся и сипло продолжил: — В мое дежурство куб из хранилища пропал.

— Вот, значит, как.

— А вы этого Ирыча хорошо знали? — спросил парень. — У него много хвостов было?

— Но-но. — Библиотекарьша поднялась и погрозила парню узловатым пальцем. — Следствие оставь шоромским, они за это деньги получают. — Бабка Маша подхватила опустевшую тарелку и понесла на кухню, на этот раз задержавшись там подольше, наливая в чайник воды и что-то бормоча.

Макс снова подошел к окну, улица была все так же пуста, пса у забора сменила воробьиная стайка.

— Кого высматриваешь?

Студент вздрогнул, в комнату хозяйка вернулась бесшумно, хотя до этого шарканье войлочных тапок разносилось по всему дому.

— Уж не патруль ли? — Она поставила на стол пузатый, накрытый варежкой чайник. — Они будут минут через двадцать. И нечего глазами сверкать, не в бега же ты надумал

податься?

Парень пошел к выходу, он понял, что чувствует мышь, съевшая сыр из мышеловки.

— Молодость и глупость синонимы? — Библиотекарша оперлась о стол, всем видом показывая, что задерживать и тем паче гоняться за студентом она не собирается. — От кого ты надеялся убежать? От кого прятался в моем доме? — Макс скривился. — Я тебе не конвой вызвала, а охрану.

— Обойдусь.

— Ну конечно, а потом меня будут спрашивать, вышел ли ты отсюда с целыми зубами и не упал ли на пороге, потеряв добрую половину?

— Это не ваши зубы! — Он резко развернулся, руки сжались в кулаки.

— Твоя правда, — беззлобно согласилась старуха. — Кстати, у Ирыча было четыре хвоста.

Парень остановился, так и не перешагнув порог. Злость схлынула.

— Чаю? — невозмутимо предложила бабка Маша, и студент вернулся к столу. На этот раз глупой мыши предложили сыр повкуснее.

— Четыре хвоста, — напомнил он библиотекарше.

— Четыре, — кивнула та, опять присаживаясь напротив. — Первый он схлопотал давно. Друг детства или враг, тут как посмотреть. Умер в шахте, под обвалом.

— Имя?

— Не имею ни малейшего представления. Это было задолго до того, как я сюда переехала. — Она пододвинула к нему кружку, к которой он не прикоснулся.

— Кто еще?

— Диша. Теща. Потом Капитоныч, собутыльник. И какая-то девка из Малоозерца, именем не интересовалась. — Женщина подняла руки.

— Все?

— Все, мальчик, все, — покивала она, но он уловил маленькую заминку, слишком привык прислушиваться, очень привык искать подвох.

— Марья Курусовна, — попенял он.

Она подняла дугообразные, начерченные черным карандашом брови и не смогла удержать улыбку.

— Хм, теряю форму. Вроде ничего особенного, но неделю назад у Рутки сын сбежал.

— Ищут?

— Нет. Он совершеннолетний. И давно мечтал уехать в Заславль, говорил об этом на каждом углу.

— Тогда что в этом интересного?

В дверь постучали. Бабка, вздохнув, нарочито тяжело поднялась и отправилась открывать. В комнату вошли двое в черной форме и с повязками патруля на руках. Грош не был знаком с ними лично, но здоровый бугай справа победил в личном первенстве по рукопашному бою среди старших курсов.

— Ноги, — сурово сказала библиотекарша, и те послушно повозили ботинками о коврик.

— Сам пойдешь? — исподлобья спросил бугай. — Или как?

— Или как, — ответила за него библиотекарша. — Или больше за пирогами и не приходи.

У старшекурсника покраснела шея, но отнекиваться он не стал. Грош — не того полета

птица, чтобы ссориться. А библиотекарша не того уровня человек, чтобы прислушиваться к ее мнению в случае серьезной заварушки. Так что парни могли пообещать ей что угодно, а сделать все по-своему. Но смысла ломать копья не видел никто.

Грошев встал, парни расступились, пропуская его на выход. И лишь в сенях студента догнал голос бабки Маши.

— Собака Лапка. — Библиотекарша выглянула. — Мелкая глупая пустолайка, но Сварик, сын Рутки, в ней души не чаял, а отец грозился утопить доуку.

— И? — Студент стал обуваться, парни из патруля терпеливо ждали.

— Парень уехал без собаки. Чемодан взял, паспорт взял, деньги — и те у матери спер. А собаку забыл.

— Бывает, — равнодушно кивнул Макс.

— Точно, — подтвердила библиотекарша, выходя следом за ними из дома. — Ирыч отвез Лапку в горы и... — она не договорила, но этого и не требовалось.

В караулке их ждали. Макс почему-то был уверен, что его в очередной раз отведут в кабинет к Куратору, а потом уже знакомым маршрутом в карцер, который уже должен освободить Самарский. Он ошибся. Наполовину.

Арчи взмахом руки отпустил дежурных и уставился на парня тяжелым взглядом.

— Что еще случилось? — спросил Макс.

— Еще один куб пропал. — Наверное, на лице Гроша отразилось что-то такое, само по себе бывшее ответом на незаданный вопрос. — Слава императору, на этот раз не активный. Призрак должен был исчезнуть на днях, если уже не исчез, на атаку он неспособен. Настя, как старшая, дала исчерпывающие объяснения.

— Но они устроили не всех. — Парень скрестил руки на груди.

— Второе твое дежурство и вторая кража. Настораживает, знаешь ли.

— Отлично, вы насторожились. И что? Почему меня не вызвали к старшему? Почему позволили уйти? Если я вор, то мог этот куб в дюжине мест спрятать. Или...

— Или, — согласился Андрей Валентинович. — Шоромские ребята так и сказали, за тобой отправили наружку. Все ждали, когда ты приведешь нас к тайнику.

— Привел?

— Мне не до шуток, Макс. У меня здесь злой Куратор, который, может, вгаине и гордится тем, как ты сделал двоих спецов из района, но ни в жизнь в этом не признается. Вывих лодыжки и шишка на башке у следаков из Шоромы, упустивших студента-третьекурсника. И что прикажешь делать?

— Отойти в сторону, — предложил Грош.

— В этом ты весь. Марье Курусовне не забудь спасибо сказать. Знает, кому звонить. Идем. — Арчи открыл дверь. — Посидишь пока в карцере, а там, глядишь, все остынут и соображать начнут. Тогда и поговорим.

Когда говорят о карцере, все представляют себе темную узкую комнату, больше похожую на поставленный вертикально гроб. Макс не раз видел что-то подобное в имперских блокбастерах, где очередного безвинного страдальца сажали в тюрьму. Но у них здесь не тюрьма и даже не армия.

Арчи оставил его в комнате без окон, с умывальником и вонючим толчком в углу, достаточно большой, чтобы влезла железная койка без матраса, и достаточно маленькой, чтобы он мог сделать больше, чем один шаг.

Пружины скрипнули, когда Макс вытянулся на кровати. Кое-что все-таки роднило имперские фильмы и реальность, света в камерке не было. Наказание надлежало отбывать в темноте, давясь слезами и чувством вины. Со слезами было негусто, с чувством вины — тем более, зато мыслей было в избытке, одна другой гаже.

Грош таращился в темный потолок и пытался представить, как все происходило.

Его дежурство с Самарским стояло в графике, и любой желающий мог ознакомиться с расписанием на доске в главном корпусе. То есть узнать, когда он будет в хранилище, не составило труда. Дальше сложнее, потому что кто и как вынес куб, он по-прежнему не представлял. Они с Артемом сменили парня и девушку со второго курса, тех наверняка тоже проверили. В хранилище они с отличником заходили два раза, регулировали термостат и меняли перегоревшую лампочку.

Пропажу заметили днем, когда аспиранты и преподаватели начинали работать с призраками. И что интересно, никто не пересчитывал узилища, если не считать проводимой раз в полгода инвентаризации. На отсутствие блуждающего могли бы и не обратить внимания до этого знаменательного дня. Но обратили, значит, с этим кубом работали или с соседним. Что это? Стечение обстоятельств или грамотно организованная подстава?

Вечером убивают Ирыча и вырубает Макса. Еще вопрос: как этот невзлюбивший Гроша чел узнал, что парень будет в нужном месте и в нужное время? Впрочем, дорога тут одна, и если не мудрить, не скакать по переулкам и огородам, не наматывать лишние километры по окружной, то маршрут просчитывается на раз-два. Значит, его ждали. А его ли? Или любого другого псионика? Пока непонятно.

Счастливику рубят, перетаскивают в дом художника и привязывают к руке призрака. Это значит, что против него играет по меньшей мере такой же пси-специалист.

Ирыча убили до или после этого события? Как он там оказался? Выбор жертвы случаен? И, самое важное, какой призрак сжег мужика? Похищенный из хранилища? Невозможно. Пропавший не мог атаковать местных, он их не знал при жизни. Могли специалисты упустить какое-нибудь шапочное знакомство мертвого Лукина и местного нелюбителя собак? Кто знает, все контакты не отследить. Или это был другой блуждающий? На этот вопрос ответят снимки полей энергии. Как бы ему на них взглянуть, вряд ли шоромские спецы покажут их ему по доброте душевной.

Макс перевернулся на бок, теперь перед глазами оказалась облупившаяся стена.

За первым дежурством с интервалом в сутки следует второе. И вторая кража. Но их с Лисой ночь в хранилище была спонтанным изменением в графике. Опять вопрос: везение или кто-то узнал о дежурстве? Неприятное предположение, ставящее под подозрение преподавателей. На этот раз забирают с последней скамьи неактивный куб. Зачем? Фиг его знает. Грошу почему-то вспомнился ненормально спокойный блуждающий, привязанный к руке. Если его энергия иссякала, это бы объяснило заторможенность вернувшегося. Но куб похитили после.

Специалистов из следственной бригады можно понять, он отличный подозреваемый. Его комнату наверняка тщательно осмотрели и, ничего не обнаружив, предположили наличие тайника. Слежка — логичный шаг.

Что изменилось? Почему они решили его взять? Он засветился на месте преступления, но это можно списать на банальное любопытство. Затем он отправился к дому жертвы, уверен, психолог вывел бы не одну теорию. И что? Там половина Некропольского собралась, чтобы посмотреть концерт. Парень перелез через забор, чтоб схорониться в кустах...

Макс хлопнул себя по лбу. Спецы решили, что у него там тайник. Они посчитали его дураком, который полез в захоронку рядом с теми шаманскими плясками, что происходили вокруг бочки с огнем.

Парень снова перевернулся и вновь стал вспоминать все сначала: дежурства, кража, убийство, призрак. Он думал, гадал, предполагал, перебирал события последних дней, вертел их и так и сяк, пока не уснул. И слава Императору — спал без сновидений. Единственное, чего ему не хватало в эти часы, так это одеяла.

Разбудил Макса свет, ярким прямоугольником легший на кровать.

— Подъем, — голосом Арчи скомандовала появившаяся в проеме тень. — На выход.

— Только не говорите, что еще кого-то убили, — хрипло пошутил студент.

По его внутренним часам был поздний вечер, может, уже ночь. Вряд ли его захотели допросить в такое время, разве что случилось что-то из ряда вон.

— Раз не хочешь, не скажу. Тем более что у тебя лучшее алиби, которое только можно придумать. — Андрей Валентинович указал на стол охранника, там стояла кружка с кофе и тарелка с двумя бутербродами.

Макс потер глаза и потянулся.

— Ты не удивлен? — Препод прислонился к стене. — Не спросишь, кого убили?

— Раз я вне подозрений, то нет, — буркнул парень, плюхаясь на стул, и взялся за чашку. — Но вы ведь все равно скажете. Вы для этого меня разбудили? — Настал черед Арчи многозначительно молчать и разглядывать студента. — Хорошо, я спрошу. Кого боги прибрали?

— Шахтера в десятке километров отсюда. Но я разбудил тебя не поэтому. Твоя мать в больнице. — Макс вскочил, опрокидывая стул. — До тебя пытались дозвониться с обеда, потом связались с Академией, а те уже перекинули на нас.

— Что с ней? — Глаза парня из темно-серых стали почти черными.

— Упала с лестницы и сломала ногу.

— Я должен...

— Я знаю, — перебил Арчи, доставая из кармана бумагу, на которой синела круглая печать. — У тебя пять суток, рапорт напишешь задним числом, приказ Старший подмахнет, я прослежу. До Шоромы тебя подбросит Игроков, он сегодня на транспорте, автобус на Творорот отходит через три часа.

Он отдал бумагу парню. Тот молча взял. Благодарности и уверения в вечной дружбе решили оставить до другого раза, впрочем, как всегда.

Урок пятый

Литература

Тема: «Легенды и мифы народов Империи»

Автобус сломался под Листовцом^[12]. Они простояли под дождем три часа, пока ползающий в грязи водитель и еще пара равнодушных к технике пассажиров не вернули транспорт к жизни. В салоне было душно и тесно. Ноги Макса затекли, колени упирались в переднее сиденье. Пахло выхлопными газами, потом и копченой курицей, которую ел толстый парень у окна, на соседнем месте.

Иногда плакали дети. Мальчишка лет шести, что сидел через проход, без стеснения разглядывал Гроша круглыми, полными любопытства глазами. Его внимание привлекла черная форма. На груди маленького пассажира болтался такой же, как и у Макса, пластиковый муляж кад-арта. У ребенка был дар, и его будущее было предопределено.

Если ты умеешь управлять энергией, тебя заберут в Академию в пятнадцать лет. Оторвут от семьи, от друзей, заставят забыть о мечте стать пожарником или космонавтом, ты не снимешься в кино и не побьешь рекорд на соревнованиях. Ты станешь пси-специалистом. Нерушимый закон, утвержденный предком нынешнего Императора. Макс понял это спустя год в казенных стенах, после четырех побегов и четырех позорных возвращений, после штрафа, для выплаты которого отец продал машину. Таких, как он, не спрашивали. Не спросят и этого мальчишку. В его интересах захотеть стать псиоником, как произошло с большинством сокурсников.

— Мам, а расскажи, как появились пси, — затеребил сидевшую рядом женщину мальчик.

— Я уже столько раз рассказывала. — Она бросила на Макса извиняющий взгляд.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста-а-а-а, пожалуйста-а-а-а, — заныл пацан.

— Хорошо, — сдалась она, и Грош понял, что она сдавалась так миллион раз до этого, по миллиону самых разных требований этого мальчишки. — Давным-давно в темные века, когда мертвые убивали живых тысячами...

Студент фыркнул. Чего ж не миллионами?

— Не было ни камней разума, ни псиоников.

— Пока не родился Император Керифонт? — не утерпел сын.

— Да, — согласилась мать. — Но тогда он еще не был Императором. Он был простым человеком, который понял, что может прогонять блуждающих, может причинять им боль, может...

— Убивать призраков! Х-дышь! — Пацан взмахнул рукой, имитируя удар.

— Да. Но он был один. А один не способен спасти всех, не может быть повсюду.

— И тогда он отдал свою силу камню. — Юный слушатель как-то разом сник, эта часть легенды ему не очень нравилась.

— В горах, на самой-самой высокой вершине, люди нашли камень. Он был прозрачным, как вода, и каждый день его наполняло светом солнце. Ни один вернувшийся не осмелился приблизиться к нему.

— А почему? — Мальчишка заерзал и бросил еще один взгляд на Макса. — Почему

призраки не могли подойти к камню? Он был волшебный?

— Наверное, Вить, а может, горы — это слишком высоко для них.

Юный псионик подумал и кивнул, соглашаясь. Грош отвернулся. Всего лишь легенда, ей не обязательно быть логичной, достаточно быть красивой.

— Керифонт добрался до камня и...

— А как же семь дней? — перебил сын. — Ты должна была сказать, что он шел семь дней и семь ночей, не ел, не пил, не спал.

«И сдох», — мысленно закончил Грош легенду. В таком варианте она понравилась ему больше.

— Тогда рассказывай сам, — предложила мать.

— Нет, ты. — Мальчишка в знак примирения положил голову ей на колени.

— Он шел семь дней и не остановился, пока не дошел до вершины.

«На своих двоих на вершину за неделю? — подумал Макс. — Супергерой, не иначе».

Он поймал себя на том, что качает головой, глядя на смущенного толстого парня, который достал очередную куриную ножку. В детстве все звучало не так плохо, как сейчас.

— Когда Керифонт увидел камень, силы его были на исходе. Он понял, что кристалл предназначался ему, а он — кристаллу.

— Мам, — робко прервал парень, — откуда он это узнал?

— Иногда, малыш, люди просто знают. Вырастешь — поймешь.

Грош повернулся и увидел, как мальчик сморщил нос, задумался на секунду, а затем кивнул. Его полностью устроило это обещание. Взрослые кажутся детям великанами из сказки, видятся чем-то большим, чем являются на самом деле, обладателями тайных знаний.

— Керифонт из последних сил поднял руки и положил их на нагретый солнцем камень. — Женщина коснулась головы сына. — И камень впитал его силу, из золотого став красным. Защитник потерял сознание, здесь и нашли его воины спустя два дня.

«А чего не через две недели? — Макс ухмыльнулся, ведя мысленный диалог. — Хватились, значит. Единственный защитник человечества лазает по горам, а им и горя мало».

— Воины спасли его, — голос пацана дрогнул, словно он слушал эту историю впервые.

— Спасли. Они принесли его назад. И камень тоже. Но лишь спустя время все узнали, что Керифонт сделал для людей, а что сделал камень для гор. Каждый, кто коснулся прозрачных граней, стал псиоником. Все воины, сменявшие друг друга у носилок Керифонта, по очереди несли кристалл, и он наделял их силой. Он впитал силу одного, умножил ее и разделил между людьми и камнями. Целый отряд стал пси, а все камни, найденные в горах, стали отражением первого кристалла. Они превратились в кад-арты, вид-арты, сем-аши и выбирали себе людей, которых могли оградить от вернувшихся. — Женщина вздохнула. — У воинов родились дети, внуки. Дар пробудился в потомках, из века в век их становилось все больше.

— А Керифонт? — грустно спросил мальчик.

— Он лишился силы навсегда, — ответила мать. — Но люди в благодарность за жертву избрали его Императором.

«Ну, предположим, не Императором, а Князем, — снова про себя возразил Макс. — Императором стал его праправнук, огнем и мечом присоединивший к землям отцов Ладью, Перискор, Винию, Бронер^[13]. Да и с избранием все не так просто, ведь откуда-то Керифонт взял своих воинов».

— С тех пор в роду Императоров рождались только люди.

— А камень? — Юный псионик приподнял голову. — Куда делся камень?

— Говорят, он хранится в императорской сокровищнице.

— Он по-прежнему волшебный?

— Думаю, да. — Мать взлохматила каштановые волосы.

Хороший камушек. Заверните два. Грош побарабанил пальцами по подлокотнику.

Автобус фыркнул и заурчал двигателем. Пассажиры радостно загомонили, мальчишка подскочил на месте и завертел головой, женщина улыбнулась.

До Троворота оставалось еще полтора часа.

Мать была бледна, но относительно цела (и, слава Императору, не собиралась умирать), пусть конструкция вокруг ее колена и выглядела устрашающе.

— Максим. — Она протянула руки, и он, присев рядом, положил на них голову, совсем как тот мальчишка из автобуса. В основном потому, что не хотел видеть, как она постарела за прошедший год, как новые морщины расчертили лицо, как резко обозначились скулы, набрякли веки, посветлели некогда такие же темные, как у него, глаза. Пока он был рядом, изменения казались незаметными, но стоило ему уехать, и все изменилось. Они изменились: она, он, отец. И он не хотел, чтобы она увидела отражение этих перемен в его глазах.

— Как ты? — глухо спросил он.

— Ничего, Макс, уже ничего.

— Как это случилось? — прозвучавшая помимо воли резкость в голосе заставила женщину на соседней койке вздрогнуть.

— Да глупость полная. Несла пакеты с продуктами, устала, в голове лишь одна мысль, что сериал вот-вот начнется, ну и поставила ногу мимо ступеньки. Сама виновата.

Грош поднялся и посмотрел матери в лицо.

— Тебя надолго отпустили? — быстрый вопрос, словно она опасалась, что он начнет задавать свои.

— У меня есть время проследить, чтобы это не повторилось. — Грош встал, посмотрел на съжившуюся на сером казенном белье женщину и почувствовал себя взрослым, ощутил великаном из сказки. Когда все успело так измениться?

— Ты ведь не уйдешь сейчас? — испуганно спросила мать, и он услышал за ее словами много такого, чего бы не хотел. — Скоро придет врач, опять будет говорить об операции, терапии. Максим, — голос сорвался, и она приложила руку к груди, пальцы с короткими обломанными ногтями чуть дрожали.

Он знал, о чем она его просит, видел, чего на самом деле боится. Всегда боялась, все равно не мог отказать. Не мог уйти.

Грош опустил обратно на кровать, воздух в палате показался ему спертый, а взгляды, бросаемые соседкой, навязчивыми и слишком жалостливыми. Он в жалости не нуждался. Ни в чьей.

— Я поговорю с врачом, — пообещал он, сжав ее руку.

Итог этих разговоров был неутешительным: и травматолог, и заведующий отделением сказали одно и то же. Нужна операция. В противном случае кость могла срастись неправильно, плюс атрофия нервных окончаний. Тогда в лучшем случае мать будет ковылять с палочкой, в худшем — ездить на инвалидной коляске. Еще хуже то, что операция не покрывалась из имперской социальной страховки, а шла сверх нее. Тысяч на сорок сверх.

Он воспользовался телефоном матери, который до сих пор выглядел так, словно его вчера купили. Он купил, а она им почти не пользовалась.

Трубку взяли после третьего гудка.

— Привет, — проговорил Грош и представился: — Это Малой.

— Тебя уже выпустили из психушки? — голос хрипло рассмеялся.

— Нет. Нужно поговорить.

— Приезжай, — милостиво разрешили ему.

Дом был самым обычным. Трехэтажный особнячок, выкрашенный голубой краской и отделанный белым орнаментом. Здание долго разрушалось, никто не хотел браться за реставрацию сарая, объявленного памятником архитектуры. Пока, к возмущению старожилов, за него не взялся Шрам. Или Раимов Тилиф, успевший изрядно намозолить глаза корпусу правопорядка. На момент знакомства с Максом у него было около трех десятков хвостов. О чем и не преминул сообщить ему один мелкий мальчишка десять лет назад, встретив того на улице. Молодой мужчина, правую щеку которого пересекала ломаная линия шрама (от этого уголок глаза казался опущенным книзу, а еще не хватало части верхней губы), тогда очень напугал его мать.

Второй раз они встретились через два года, и Макс с удивлением отметил, что количество хвостов уменьшилось вдвое. Тогда же он заработал свои первые деньги, просто подержав в руке зеленовато-желтый кристалл, змеевик. Это сейчас Грош знал, что Шрам заставил пацана поднять сопротивляемость кад-арта онна на три, передав ему часть силы. И стоило это куда дороже, чем та сотня, что дал Раимов.

Кад-арт — это не первый камень Керифонта, он не лишает псионика, взявшего его в руки, силы, а лишь впитывает ее частичку, которая со временем восстанавливается, как и любая другая энергия.

Макс оглядел фасад, ухоженный газон с цветами, козырек над крыльцом, с которого лениво капала вода. Дождь закончился, на тротуаре в серых лужах отражалось серое небо.

В здании располагался клуб спортивного туризма «Эдвантин», названный в честь высокогорного озера, жемчужины в короне Инатара. Многие думали, что его председатель романтик, пока не встречались лицом к лицу. Один из журналистов разразился серией обличительных статей, экспрессивно рассуждая, что на самом деле перевозят байдарочники и студенты в своих больших рюкзаках. А потом вдруг в зените славы перевелся в областной центр на другом конце Империи. Де юре Раимов был чист перед законом и не имел никакого отношения ни к проституции, ни к транспортировке оружия и лекарств. Каким чудом при такой насыщенной «путешествиями» жизни Шрам не обзавелся ни одним смертельным хвостом, оставалось для Макса загадкой.

Обычные хвосты регулярно подчищались, причем совершенно законно, разве что любопытные задавались вопросом, как он минует расписанные на год вперед очереди к пси-специалистам. А умные об этом не думали, помня о судьбе журналиста.

Грошев потянул на себя тяжелую железную дверь, глазок камеры ожил и повернулся, фиксируя посетителя. Приемная с двумя диванами, фикусом в кадке и секретаршей за массивным столом. Вместо ожидаемой длинноногой блондинки на него сквозь стекла очков смотрела дама в строгом сером костюме и с тугим пучком на голове, по возрасту годившаяся студенту в матери.

— Вас ждут. — Она указала на совершенно обычную дверь в конце коридора, а не на представительное полотно за спиной.

Макс смутно помнил, что комната, куда его отправили, была библиотекой. Стеллажи

книг уходили под потолок, мягкие кресла, тумбочки, низкие столики, несколько торшеров со светлыми абажурами и гигантский каменный глобус у окна. В одном из кресел спиной к двери сидел мужчина, в руках которого белела страницами открытая книга.

С момента их первой встречи прошло десятилетие, время посеребрило и без того светлые волосы, придав им немного пыльный оттенок, лицо стало грубее, залысины на висках глубже, шрам на правой щеке казался трещиной на светлой коже, и только глаза остались такими же цепкими, в них по-прежнему горел лукавый беспокойный огонек.

— А ты подрос, Малой. — Тилиф указал на кресло напротив.

Макс сел, оглядел дорогой костюм, часы на запястье, кожаные туфли собеседника. В нос тут же ударил застарелый несвежий запах отрезанных хвостов и яркие аромаросчерки действующих. Шрам многим был неуютен и при жизни, и после нее. Но ему было наплевать. На груди поверх шелковой рубашки висели три кристалла: кад-арт, вид-арт, сем-аш.

Многие сказали бы, что он этого недостоин. Но решали не люди, а камни. После рождения ребенка приносили в сад камней, чтобы один из кристаллов отозвался на его зов и признал хозяином, до самой смерти защищая его разум от мертвых. Ничто не могло помешать этому: ни потоп, ни народное восстание, ни высадка инопланетян, ни отсутствие денег или времени. На земле, где призраки убивали живых, беспечность обходилась очень дорого. Но бывало и так, что младенцу отвечал не один камень, а два, еще реже — три. Кад-арт — камень разума, вид-арт — камень сердца, сем-аш — камень души. Три кристалла, три хранителя. С абсолютно одинаковой электронной начинкой и, по сути, взаимозаменяемые, но если поднять сопротивляемость каждого хотя бы на пару единиц, способность противостоять блуждающим усилится ровно в три раза. Таких, как мужчина напротив, называли счастливыми. Таким завидовали.

— И остался таким же молчуном. — Шрам перевел взгляд на окно и без эмоций спросил: — Сколько?

— Откуда вы...

— Ко мне за другим не приходят. — Мужчина развел руками. — Только за деньгами.

— Мне нужны не деньги, мне нужна работа.

— Сколько?

— Тридцать пять тысяч. — Тилиф прищурился, и парень добавил: — И у меня только два, максимум три дня.

— Да, все такой же, — словно разговаривая сам с собой, повторил Шрам. — Работа на пять тысяч и на тридцать пять сильно отличаются друг от друга. Ты понимаешь это, Малой?

— Понимаю.

— Хорошо. — Мужчина усмехнулся. — Возвращайся к матери в больницу.

Макс скрипнул зубами, вызвав еще одну полуулыбку. Шрам всегда знал то, что требовалось знать. Мужчина достал из кармана телефон и протянул парню.

— Нам нужна связь, судя по тому, что звонил ты с матушкиного, с этим проблемы. — Он бросил аппарат Макс на колени. — Прекрати разыгрывать передо мной белошвейку с принципами. Сделаем дело — вернешь.

— Когда? — Грош убрал трубку в карман.

— Я позвоню. — Мужчина взял отложенную книгу и перевернул страницу.

Макс ждал звонка весь остаток дня и даже часть ночи, которую провел в больнице, легко поддавшись на материнские уговоры. Точно так же поддались и врач, и сестра-хозяйка, выделившая парню закуток со швабрами, раскладушку и байковое одеяло неопределенной

расцветки. Он мог пойти домой, он почти хотел этого, но, глядя в умоляющие серые глаза, сдался. Мать не боялась оставаться одна, она боялась, что один останется он.

Но дома он все-таки побывал, пусть и не совсем так, как рассчитывал.

Чтобы добраться до родительской квартиры, нужно сесть на третий автобус, доехать до церкви, пересесть на девятнадцатый и выйти за одну остановку до конечной, на улице Старого Яма.

А можно дойти пешком. Сжимая руки в кулаки, то и дело останавливаясь, задирая голову к темному небу. Двухчасовая прогулка как способ успокоить бушевавшую внутри ярость.

Знакомая до каждой выщерблины лестница, дверь из фанеры, выкрашенная коричневой краской. У него не было ключей, но он почему-то был уверен, что она не заперта. Полумрак коридора, брошенная как попало обувь, мерцающий свет работающего телевизора в дверном проеме.

В большую, обставленную старой мебелью комнату он прошел не разуваясь. Круглый стол по центру, вместо скатерти — затертая на сгибах клеенка. На стуле, глядя на беззвучное изображение экрана, сидел мужчина. Перед ним опустошенная наполовину бутылка, стопка и банка помидоров.

— Пришел, умник? Я уж заждался. — Он рассмеялся. — Давай-давай, проходи, выпей.

Рука схватила бутылку, и прозрачная жидкость, булькнув, перелилась в стопку. Мужчина был нетрезв, но движение отработано настолько, что мимо не пролилось ни капли.

— Давай, — взмах рукой.

Гость не шевельнулся.

— Али ты не мужик?

Вошедший не ответил, он стоял и смотрел на стареющего алкоголика с его выпирающим брюшком под растянутой майкой, на волосатые руки и испытывал отвращение. Больше всего на свете ему хотелось оказаться подальше от этих стен, оклеенных обоями в цветочек, подальше от этого пьяного уроды.

— Али ты меня не уважаешь? Уже запахло поднять стопку с таким, как я? — Мужик поднялся, угрожающе качнулся вперед, пальцы сжались в кулаки. — Высокомерный щенок. Все вы чернорубашечники такие, все...

Он замахнулся, но гость легко ушел от удара. Пьяного повело в сторону, он задел бедром стол. Бутылка упала, разливая остро пахнущую жидкость.

— Урою, мразь, — заорал он, бросаясь на молчаливого гостя.

Бутылка докатилась до края стола и упала на пол, каким-то чудом не разбившись.

Хозяин ударил снова, на этот раз удачнее, по лицу не попал, но задел плечо. Пришедший толкнул пьяного, тот грузно сел обратно на стул.

— Ублюдок, — взревел мужик, поднимаясь и бросаясь на гостя, лицо покраснело, вены на шее вздулись.

Это даже не было похоже на драку. Это вообще ни на что не было похоже. Размашистые, дерганные движения пьяного с лихвой компенсировались силой. Пришедший отступал, блокировал удары, словно не желал причинять хозяину вред. Замах, гость пригнулся, короткий рык, удар в пустоту — и пришедший скользнул в сторону. Ругательство, гость перехватил руку и снова оттолкнул от себя хозяина.

Но долго так продолжаться не могло, от всех ударов не уйдешь. И кулак мужчины все-таки врезался в живот. Из горла пришедшего вырвался крик.

— Получил, сопляк, — удовлетворенно сказал пьяный и ударил снова, на этот раз в грудь.

Гость согнулся, задевая и опрокидывая стул.

— Мразь!

Мужик налетел, уронил противника на пол, подмял под себя и ударил. Гость поднял руки, все еще защищаясь, а не атакуя.

— Я научу тебя уважать старших! Научу, — удар по рукам, — уважать, — удар в лицо — и что-то хрустнуло, — старших!

Гость все еще молчал, и только хриплое дыхание срывалось с разбитых губ. И это бесило мужчину. Он хотел слышать мольбы о пощаде, он привык их слышать. Это доставляло удовольствие, охлаждало ярость. Они должны были хныкать и просить. Он здесь хозяин. Он, и только он, будет решать, когда остановиться. Но упрямый молодчик в черной рубашке продолжал молчать.

— Сопляк! — Удар.

Темно-серые глаза встретились с черными, небо с землей. Что они увидели друг в друге? От чего занесенная рука пьяного чуть дрогнула? Неизвестно. Но мужик бы все равно ударил, на этот раз чужая безмолвная боль не приносила удовлетворения.

Из-за спины нападавшего появилось лезвие, поймало искусственный свет телевизора и четким движением прочертило на горле хозяина горизонтальную линию. Кожа разошлась в стороны, окатив лицо и руки гостя алой кровью. Булькнуло, челюсть клацнула, и прежде, чем мужик с остановившимся взглядом повалился вперед, пришедший успел подумать лишь об одном: «Почему кровь такая горячая? Разве она может быть такой горячей?»

Макс рывком поднял голову от подушки. Все еще ощущая на коже обжигающее прикосновение чужой смерти. Сердце грохотало в ушах, во рту было сухо, пальцы сжимали край одеяла.

Что было? Сон? Явь? Мечта?

Парень сел и протер лицо руками. День начинался так, что впору совсем не вставать с кровати.

Телефон зазвонил за полчаса до полудня, ровно в тот момент, когда он сидел в палате матери, а человек в серой форме корпуса правопорядка сообщал, что этой ночью в их доме был убит его отец, Грошев Вирон. Не ответить он не мог, пусть мать, едва замечая, что происходит вокруг, цеплялась за руку, как заведенная, повторяя одно и то же:

— Нет! Боги, нет! Макс, нет, пожалуйста!

Парень поднес телефон к уху.

— Серый «Тенвер»^[14] на больничной стоянке, — сказал хриплый голос. — Избавься от формы, в ней ты привлекаешь внимания больше, чем клоун в трико. — Голос замялся, но все же добавил: — И постарайся не привести следака, что сидит напротив.

Макс опустил аппарат. Пальцы матери впились в его запястье, из глаз катились слезы, на рвущее грудь дыхание не хватало сил. Она мотала головой, не слушая, что говорил офицер. Не желая слушать и все еще повторяя:

— Нет! Нет! Нет! Максим!

Будто он что-то мог изменить.

Конструкция вокруг ее колена шевельнулась, когда она попыталась приподняться, но парень положил руки на плечи, удерживая на месте, и едва заметно кивнул капитану

корпуса. Слава богам, тот все понял.

В палату вошли трое, соседка с напуганным лицом, доктор и медсестра, сменившая Гроша у кровати и также старающаяся удержать мать на месте.

— Как он умер? — спросил Макс, выходя вместе с офицером из палаты.

— Ему перерезали горло, — ответил мужчина.

Парень до боли стиснул зубы, стараясь отогнать картинку того, как из ровного, словно прочерченного по линейке, разреза толчками выходила кровь. Макс оглянулся, матери как раз делали укол, а она продолжала плакать.

— Один из соседей видел около дома молодого человека в черной форме. — Мужчина средних лет демонстративно осмотрел рубашку Макса.

— Я всю ночь был здесь.

— Знаю. — Капитан, кад-арт которого был спрятан под форменной рубашкой, жестом предложил студенту пройти по коридору. — Твоя мать уговорила врачей нарушить правила. Но это не значит, что ты не мог выбраться.

— Не значит, — согласился Макс.

— Сестрички на дежурстве заскучали и решили позвать тебя в свою теплую компанию, живой псионик, и все такое. — Мужчина позволил себе легкую улыбку. — И было это аккуратно около двух часов ночи.

— Я не был в сестринской.

— Точно, у них руки не поднялись тебя будить. Но этим своим любопытством они сделали тебе алиби.

— А оно мне нужно?

— Этот же сознательный сосед видел, как пару дней назад Грошев-старший спустил свою жену с лестницы. И он же вызвал ей «скорую». — Они остановились у окна. — Рвать волосы от горя ты вроде не собираешься, так что сам скажи, нужно тебе алиби или нет.

Макс отвернулся.

— Когда ты в последний раз виделся с отцом?

— В прошлом году в августе, приезжал на побывку.

— Не начинай врать, — строго предупредил офицер. — Тебя видели у дома вчера в десять утра, через час после прибытия автобуса из Шоромы.

— А вы многое уже успели, — кивнул Грош. Сквозь оконное стекло были видны часть стоянки и серебристый «Тенвер», стоящий с правого угла здания. — Видели меня? Или человека в черной форме?

— После того визита Грошев был жив и здоров, он даже успел полаяться с соседкой Ехивановой, — сказал капитан. — Не понимаю, зачем тебе это скрывать.

— Незачем. Только вот незадача, я там не был и не мог быть. Автобус три часа простоял под Листовцом. Я приехал в начале двенадцатого.

Мужчина крякнул.

— Н-да, успел многое, но не все. — Он улыбнулся, только глаза остались цепкими, оглядывая каждый сантиметр черной формы.

— Хотите взять в лабораторию? — предложил парень. — Убийство — грязнее не придумаешь, а всю кровь не смоешь.

— Хочу, — не стал отнекиваться офицер.

В подсобке собранная раскладушка и сумка с вещами все еще соседствовали с оцинкованными ведрами и швабрами. Пока Грошев переодевался в клетчатую рубашку и

серые джинсы, капитан внимательно осмотрел вещи.

— У тебя есть нож? — задал он вполне ожидаемый вопрос.

— Конечно. — Макс расстегнул боковой карман, вытащил складной нож, выигранный в споре, и, положив поверх стопки черной одежды, передал следователю.

— Теперь все?

— Пока да. Город не покидать.

— Это вряд ли. — Макс достал выданную Арчи бумагу. — Через три дня я вернусь в лагерь, а еще через месяц — в Академию.

— Значит, поторопим лабораторию.

— Меня задержат?

— А что, очень хочется? — На этот раз улыбка офицера была искренней. — Алиби плюс добровольное сотрудничество со следствием, еще кое-какие детали, которые я не вправе раскрывать, — все это заставляет меня не торопиться с выводами.

Парень нахмурился, раньше отсутствие доказательств никого не смущало, хватало одного его вида. В резких, почти хищных чертах лица легко было видеть злодея. И ведь видели, да и он обычно оправдывал ожидания публики.

— Капитан, — окликнул уходящего следователя Грош, может, тот и представлялся, но имя парень успел начисто забыть. — Он вернулся?

— Это ты у коллег спроси. — Мужчина обернулся. — Не сегодня-завтра специалисты явятся к твоей матери, и ей придется с ними поговорить.

Макс и сам это знал. Но волновало парня совсем другое: чтобы ни происходило в лагере, оно последовало за Грошем сюда. Ни о какой случайности не может быть и речи. Девять из десяти, что охота шла именно за ним.

Урок шестой

Экономика

Тема: «Заработная плата и пути ее формирования»

Серебристый «Тенвер» пересек черту города после полуночи. Макс давно перестал вглядываться в темноту за окном. Как сказал сидящий на переднем сиденье Тилиф, он либо делает дело без вопросов, либо выходит из машины. Водитель, бритый детина с жирной складкой на затылке, издал подхалимское «гы-гы», что надлежало понимать как смех, и вывернул руль, бросая автомобиль в поворот.

Парень знал, что дело за тридцать пять тысяч ему не понравится. За такую сумму оно и не должно нравиться. Но Шрам был прав: выбора, кроме как гордо хлопнуть дверью, не было. А гордость нынче дешева, что бы там ни воспевали в легендах.

Местность он узнал сразу, не раз бывал здесь на практике. Под ложечкой неприятно засосало. Вороховка. Не город, а кладбище Империи. Гигантский, от горизонта до горизонта, могильник. Сюда свозили умерших со всей страны и здесь же предавали земле. Никто не хотел жить рядом с захоронениями, но местные как-то приспособились, и городок постепенно рос и расширялся, правда, не такими темпами, как кладбище.

Машина въехала на территорию Вороховки с юга. Погост не огораживали. Сумасшедшие, решившие поиграть с призраками, сбегают из больниц не так часто и, как правило, долго не живут. Рыжая песчаная грунтовка закончилась. Впереди расстилались холмистые поля памятных знаков, плит, крестов, статуй и даже кое-где склепов. Водитель заглушил мотор и выключил фары. Глаза медленно привыкали к темноте. Никто не кинулся на автомобиль: ни мертвые, ни живые.

— Вперед, — скомандовал Шрам.

Бритый детина открыл багажник, о землю ударились две лопаты и массивный фонарь на изогнутой ручке.

— Осквернение захоронения — до пяти лет, — проинформировал мужчин Макс.

— Мелковато для нас. — Тилиф обернулся к водителю.

Тот повторил на бис свое «гы-гы» и взял лопату. Грош подхватил вторую и фонарь. Шрам указал направление, в луч света попали памятники, огороженные коваными заборами, и уходящая в темноту тропинка.

— Самое время посвятить меня в детали, — сказал Грош.

— Мне нужно вскрыть могилу, — ответил идущий первым Тилиф, мужчина сменил деловой костюм на спортивные штаны и темную ветровку.

— Я понял. Чья могила? Чей хвост? Есть ли привязка?

— Много вопросов, — буркнул позади водитель.

— Малой молод и любопытен, — ответил Шрам, — но не глуп. Заметь, он не спрашивает о причинах.

— Если призрак привязан, заперт в прямоугольнике могилы, я могу преспокойно подождать вас в машине.

Раимов развернулся к Грошу, вынуждая парня остановиться.

— Поясни.

Макс почувствовал, как сзади к нему вплотную подошел водитель.

— Если блуждающий заперт, я не смогу пересечь границу захоронения. В противном случае вернувшийся может перетянуть меня на ту сторону, в свой мир. В результате вам придется отмахиваться лопатами уже от меня.

— Что-то я не понял, — нахмурился Шрам. — Вы вроде в хранилище каждый день с кубами играетесь. И все пока в этом мире.

— Поместите могилу в герметичный куб, цилиндр, шар, и я сыграю им в футбол. Мы с ними работаем, но никогда не лезем внутрь, пока прах активен, пока привязка воняет, какдохлая рыба. Представьте себе комнату, наполненную газом, вы войдете туда? — Тот, кого мужчина назвал Лбом, хрюкнул. — Так понятнее?

— Более чем. — Тилиф развернулся и снова пошел вперед. — И так со всеми? Никто не может ступить на могилу, если к ней привязан призрак?

— Почему, любой может ступить. Может даже станцевать и спеть. Пока не начнет разорять захоронение, он для призрака неинтересен. Никто не интересен, кроме псионика. Если тигр заперт в клетке, охотнику лучше туда не заходить. — Парень вдруг запнулся, оглянулся, всмотрелся во тьму.

— Я не понял, — проворчал Лоб. — Есть призрак, есть могила.

— И есть люди, которым он мстит, — пояснил Грош, отворачиваясь от водителя и возобновляя движение. — Например, за отдавленную в транспорте ногу. Такой призрак называется хвостом. Не смертельным, но не очень приятным.

— Человек начинает тяготиться визитами, — вставил Раимов. — И обращается к психам с заявлением о привязке мертвеца. Так?

— Так, — согласился парень, не упоминая о том, сколько времени и нервов это будет стоить. Очереди в службе контроля на привязки огромные. — Блуждающего привязывают к месту захоронения.

— И что? — спросил водитель.

— И все, — развел руками Макс. — Призрак заперт, люди живут долго и счастливо. — «Пока не обзаведутся следующим хвостом», — подумал он, а вслух добавил: — Но если те, кто связан с мертвым, придут сами... если глупая мышь идет в логово кота, значит, одной мышью станет меньше.

— Слышишь, Лоб, с кем он меня сравнил? С мышью.

— Хвост ваш?

— Мой, мой. И я еще не обращался по поводу его привязки.

— Что? — Лоб проследил, как Макс в очередной раз хмуро оглядывается.

— Ничего. Справа как раз привязка, вот и фонит. — Студент пошел дальше.

— А остальные? Не психи и не связанные со жмуриком люди?

— А остальных он попросту не замечает, — ответил Грош.

— То есть вся надежда на тебя, Лоб.

— Гы-гы.

— Если привязки нет, — парень передернул плечами, ему все время мерещился чужой, упирающийся меж лопаток взгляд. Ночные запахи земли, влаги и вонь потусторонних существ — все смешивалось и мельтешило, не давая сосредоточиться, — то и проблем нет, вернее, их не будет, пока не начнем копать. Вскрытие захоронения равносильно объявлению войны мертвому. Ему будет плевать, кто мы и кем были.

— Удержишь призрака?

— Класс опасности неизвестен? До четвертого удержу точно, это онн десять.

— Как же психи сами могилы вскрывают?

— Там целая команда работает.

— Тихо, — вдруг поднял руку Шрам. — Пришли.

Он указал на лаконичный монумент, вытесанный из черного камня. Блестящая поверхность отразила свет фонаря. Большая черно-белая фотография, с которой на них внимательно смотрел лысеющий мужчина средних лет.

«Кирилов Антониан Гремович», — гласила выбитая надпись. Макс почувствовал, как что-то неприятное зашевелилось в животе, что-то холодное и склизкое. Парень отвернулся и тут же наткнулся глазами на светлого мраморного ангела с мечом в руках. Аллея славы, тут предают земле только тех, кто заслужил благодарность Империи.

Кирилов Антониан работал в службе спасения, прославился тем, что, рискуя жизнью, вытащил семерых школьников из попавшего в горах под обвал автобуса. Его наградили Звездой Героя и вроде даже отжалели квартиру от императорских щедрот. А через два года прославившийся спасатель пал смертью храбрых в неравной борьбе с огнем при пожаре на лесопилке. Теперь выясняется, что герой народа и его враг, как называли Шрама старушки возле подъезда, были знакомы.

Макс обернулся. Они были там, в темноте, невидимые и неосязаемые для людей, но всегда враждебные и наполненные яростью. Блуждающие, не нашедшие покоя после смерти. Он чувствовал их энергию, она (как обычно) смердела падалью.

— Там кто-то есть? — тихо спросил Тилиф, встав рядом с Максом.

— Да. — Парень передал лопату Раимову и пояснил: — Мне нужны свободные руки.

Шрам не стал возражать и перехватил черенок.

— Сколько у нас времени? — спросил водитель, вставая по другую сторону могилы.

— До того как хозяин кинется защищать свою недвижимость? — Макс пристроил фонарь на земле так, чтобы луч падал на землю. — От двух до семи минут. И я не уверен, что смогу удерживать призрака долго.

— Тогда начали.

Лопаты вошли в землю. Грош закрыл глаза и сосредоточился на окружающем пространстве. Он чувствовал едва колыхающиеся нити энергии. Вокруг были одни мертвецы.

Они работали молча. Металл едва заметно скрежетал, соприкасаясь с камушками и перерубая корни растений, в стороны летели комья земли.

— Что за?.. — высказался Лоб и добавил еще пару цветистых оборотов.

Парень открыл глаза, возвращаясь к реальности. За низким ограждением на тропинке, по которой они пришли, стояла девушка. Молодая и красивая, с длинными распущенными волосами. Если не задаваться вопросом, что она забыла на погосте в такой час, то вполне можно принять за человека. Первым, что бросалось в глаза, было тонкое полупрозрачное платице, скорее уж сорочка, и босые ноги. Псионик почувствовал нестерпимую вонь, живо напомнившую ему контейнеры для мусора, которые стояли с торца их дома в Трвороте. Девушка была мертва.

Энергию, которую вернувшиеся расходуют на атаку разума живых, этот призрак предпочел потратить на материализацию, на принятие человеческого облика, спрятав все потустороннее под красивой оболочкой. Никакой прозрачности, никакой туманной дымки. Обычная, одетая не по погоде девушка.

Ни один живой никогда не сможет коснуться ее тонкого выступающего плечика.

Несовместимость мертвого и живого. Стоит протянуть руку — и ее временное тело лопнет, как мыльный пузырь, оседая на землю вязким исчезающим ядом.

— Работаем, — прорычал Тилиф, вопреки собственным словам продолжая пялиться на девушку, только в его глазах вместо удивления была злость.

— Еще один хвост? — спросил Макс.

Вместо ответа Раимов яростно вонзил лопату в землю. Железо глухо обо что-то ударилось.

— А она не?.. — Лоб не закончил вопрос, возобновляя работу.

— Нет, — правильно понял его опасения Грош. — Во-первых, она материализовалась, это значит, сил на атаку нет и не будет еще несколько дней. А во-вторых, она нас не видит.

— Почему? — Лопата водителя тоже обо что-то ударилась.

— Мы на чужой территории, чужая могила — это что-то вроде слепой зоны для вернувшихся. — Парень напрягся. — А вот и хозяин! Быстрее!

Грош развернулся, с ладоней сорвалась самая простая, самая интуитивная модификация. Щит. Не что иное, как волна нулевого поля, которая отбросила блуждающего.

Мертвый был в ярости. Второй бросок блуждающего, и второй щит. Пять онн.

Парень стоял на кладбище с закрытыми глазами и вытянутыми руками, словно слепец, старающийся поймать в ладони ветер. А за спиной два варвара лихорадочно выбрасывали из ямы комья земли, скребя железом по крышке гроба. За оградой на все это смотрела и не видела юная незнакомка в легком платье, такая же беспомощная в мире людей, как и тот, которого раз за разом отбрасывал псионик.

Бывший герой Империи сменил направление атаки, и Макс пришлось развернуть щит. Семь онн. Удар отозвался болью в кистях. Затрещало взламываемое лопатами дерево. И, почувствовав это, блуждающий атаковал десяткой. Макс едва не упустил энергию, он впервые ощутил, что такое сила смертельной атаки. Чтобы отразить ее, у него ушла добрая половина сил, ухнула в никуда, образовав внутри пустоту.

Вернувшийся не остановился ни на секунду. Он снова сменил направление, бросаясь на мужчин с другой стороны. Очередной поворот — и снова волна нуля. Но на этот раз щит, прежде чем отбросить призрака, прогнулся. Псионик почувствовал, как его энергия поддается, отступает перед яростью мертвого.

— Все! — закричал парень. — Он превысил десять онн.

Шрам выругался и спрыгнул в яму, недоломанная крышка гроба затрещала под его ботинками. Он поднял лопату и ударил острием в то место, где должна была находиться голова умершего. Еще замах, и еще удар.

Макс снова выбросил щит, сейчас он напоминал человека, противостоящего сильному ветру, хотя ни один волос не шевельнулся на его голове, не качнулась ни одна травинка под ногами. Для живых этого ветра не существовало. Псионик чувствовал, как дрожит щит, как призрак своей яростью почти разрывает его.

Тилиф ударил еще раз, отбросил лопату, нагнулся, запуская руку в дыру, и что-то вытащил. Из кулака свисал, покачиваясь в воздухе, обрывок цепочки. Если бы кад-арты не сдавали в сад камней после смерти владельца, парень бы решил, что Шрам разграбил могилу из-за кристалла. Но камень для другого человека бесполезен, защитник сам выбирает хозяина, оставаясь для всех прочих красивой стекляшкой с электронной начинкой.

Щит просел, словно был не из энергии, а из гнилой фанеры. Выпустить следующую волну Грош не смог. Сила расползлась из пальцев, верный признак грядущего истощения.

Блуждающий ринулся в атаку, когда Шрам, уцепившись за руку водителя, выбирался из ямы. Раимов зарычал от боли, продолжая хвататься за чужую ладонь. Одиннадцать онн. Другой бы уже остался без мозгов, но не тот, у кого было полное трио. На груди наверняка останется ожог: отражая атаки, камни нагреваются.

Лоб рывком вытащил босса из ямы. Макс сформировал из остатков энергии петлю и накинул на призрака ровно в тот момент, когда мертвый налетел на водителя. Сейчас не имело значения, кто чей враг, сейчас они все были для него мишенями. Они нарушили правила, они пришли к его останкам, они заплатят.

У Лба был всего один буро-серый камень, висевший на цепочке, которая уместно смотрелась бы на собачьей будке. Водитель закатил глаза, раскрыл рот в немом крике и рухнул лицом в кучу свежевыкопанной земли. Макс затянул петлю и дернул, оттаскивая блуждающего от мужчин, словно заарканенного невидимого зверя.

— Уходим, — прохрипел, поднимаясь, Шрам.

Из носа шла кровь, его шатало, но он остался в сознании. Раимов мог стоять, мог говорить, мог думать, а это уже немало. Блуждающий рванулся к нему, энергетическая нить врезалась Макс в ладонь, лопнула кожа, из сжатого кулака потекла кровь.

Грошев вывернул руку, раскручивая петлю и освобождая блуждающего, и тут же закрутил обратным ходом. Сила хлестнула по вернувшемуся подобно кнуту и отбросила его в противоположную сторону. Энергии почти не осталось, поэтому он позволил петле выскользнуть из пальцев. Он смог выиграть еще несколько секунд.

Шрам ухватил водителя за шиворот и поволок прочь. Лопаты остались лежать на земле. Макс не стал обходить яму, а просто ухватился за забор и перепрыгнул ограду. Тилиф успел вытащить помощника через проем, когда призрак атаковал вновь.

Раимов упал, издав не то краткий крик, не то всхлип. Мужчина выгнулся дугой и стал кататься по земле, беспорядочно хлопая руками себя по телу.

Полная проекция. Антониан погиб в огне и теперь проецировал свою смерть в разум врага. Так убивают блуждающие, записывая тебе в мозг то, от чего умерли сами. Очень качественно записывая, жертва верит и умирает. В данном случае от ожогов, от огня, которого здесь не было.

Грош собрал в руки все, что у него осталось, и даже немного больше и выплеснул тоненький, легкий, как паутина, слой абсолютного нуля, на ходу направляя его на упавшего Шрама. При поддержке камней это даст тому шанс. Тилиф должен жить, он еще не расплатился.

Они вышли за границу захоронения и скоро снова станут для вернувшегося чужаками. Но не так быстро, его ярость не так просто охладить, пока он еще видел землю на их ботинках, чувствовал боль от вскрытия могилы.

Но Раимов, как на могиле с лопатой в руках, так и вне ее, оставался врагом, разница лишь в силе атаки. В обычное время хвост не смертелен. Макс не знал, что они не поделили при жизни Кирилова, да и не хотел знать. Он должен сделать свою работу и получить деньги.

Волна нуля прошла над мужчиной, призрак отпрянул. Тилиф остановился, тяжело дыша и конвульсивно подергиваясь. Секунда, две — и блуждающий повторит атаку. А Макс был пуст, совсем как после экзамена по привязкам. Неприятное сосущее чувство пустоты и предчувствие неудачи холодом разлилось внутри, заставляя сожалеть, что вообще ввязался во все это.

Только вот на жизнь Раимова было уже два претендента. Девушка в белом увидела

Шрама, и ее глаза зло сощурились, разом стирая с тонкого лица всю красоту. Они сорвались с места одновременно, Макс и мертвая незнакомка, босые ноги которой едва касались травы. Она очень спешила, как мотылек, стремившийся к огню, для мертвых это рефлекс.

Девушка налетела на мужчину, и мертвое соприкоснулось с живым. Временное тело призрака разлетелось вязкими брызгами, окатив Гроша и Шрама с головы до ног. Макс поднял руку и рукавом стер с лица материю блуждающих.

Смесь немиротацина и гаростиды один к одному, сильнейший яд, появляющийся из ниоткуда и исчезающий в никуда. Сквозь кожу не впитывается, но прими внутрь пять кубиков — и можно заказывать похороны, противоядия не существует.

Не успел Грош отвести руку от лица, как почувствовал приближение первого призрака. Парень бессильно попытался собрать хоть что-то, хоть мизер на укол. Ухватил грамм силы, выбрасывая из руки почти бесполезное шило. И мир качнулся, на мгновение теряя четкость. Перерасход... Вспомнилось любимое словечко одного из преподавателей, когда самые упертые пытались третий раз за день сдать экзамен. Если сила кончается, в ход идет жизнь. Он не мог остановить призрака.

Блуждающий почти атаковал Шрама. Почти убил. Присутствие чужой энергии Макс ощутил острым, режущим обоняние запахом бензина, словно под ноги плеснули литр другой. За миг до того, как вернувшийся влил в разум Шрама смерть, кто-то заключил его в кокон, ослепляя и отрезая от живых. Кокон — более сложная модификация щита, когда его края смыкаются вокруг мертвого, удерживая его в абсолютном нуле. Сил он жрет немерено.

Макс не раздумывал. Все потом: и вопросы, и ответы, и эмоции. Парень ухватил Тилифа за руки и поволок в сторону. Кожа, покрытая слизью блуждающего, была холодной и скользкой. Грош подтащил мужчину к могильному камню, на котором было выбито изображение широкоскулой женщины с раскосыми глазами, выдававшей уроженку Винии ^[15].

Кокон тут же раскрылся, и призрак ушел ввысь. Раимов стал для него невидим, так же как ранее для девушки в сорочке.

Грош выпрямился и выскочил на тропинку, он все еще чувствовал чужую силу. Тот, кто спас Шрама, стоял там, где заканчивалась песчаная дорога. Макс бросился к едва различимому во тьме силуэту, и петляя между могил, и стараясь не потерять из виду невысокую фигуру. К несчастью, незнакомец совсем не горел желанием получить благодарность и не остался на месте.

Преследование в темноте — удовольствие не из приятных, ты не можешь бежать без оглядки, не видишь препятствий, теряешь ориентацию и, наконец, останавливаешься, стараясь сдержать дыхание, оглядываешься и ничего не видишь.

Они влетели в молодой лесок за дорогой с интервалом в несколько секунд, Макс даже слышал, как захрустели ветки, когда незнакомец продрался сквозь придорожные кусты. Но когда он последовал за ним, вокруг уже царила тишина. Грош углубился на десяток шагов и замер, прислушиваясь. Это был даже не лес, а его преддверие, но он смог разглядеть лишь темные влажные стволы, да и то, когда они оказывались перед самым носом. Чужая сила рассеялась в пространстве, и пока незнакомец не применит ее снова, найти его по энергетическому следу невозможно.

Макс почувствовал, как в нем закипает злость. Его подводят под кражу, потом под убийство и вдруг помогают. С чего вдруг?

Уловив краем глаза движение справа, парень бросился туда, чтобы через два шага остановиться. Сухая ветка, хлестнув по лицу, чудом разминувшись с глазом. Бесполезно. Все,

что незнакомцу надо, это оставаться неподвижным, и тогда Макс пройдет в паре шагов и не заметит.

Парень оперся рукой о шершавый ствол, ладонь тут же заныла, к ране прилипли кусочки коры. Звук собственного дыхания казался оглушительным. Лес шуршал ветром в кронах, отзывался тиканьем сверчков и цикад.

Пустота внутри неожиданно заставила его почувствовать себя голым и беззащитным. Энергия была бесполезна против живых, но парень привык к тому, что она всегда с ним, привык полагаться на силу. Противоречивое открытие. И неприятное — он презирал свой дар.

За спиной хрустнула ветка, Грош развернулся, с трудом представляя, что будет делать. Поблагодарит за спасение Шрама? Даст в морду за отца? На основании того, что кто-то видел черную форму, а спасший его был псиоником? Не рано ли ставить знак равенства?

Парень принял универсальную стойку, вполоборота, одна нога чуть выставлена вперед: из такой позиции можно как атаковать, так и обороняться.

Во тьме блеснули глаза, и хриплый голос произнес:

— Ты упустил свидетеля, Малой.

Парень выдохнул. Шрам двигался тихо, даже несмотря на судороги, то и дело пробегавшие по телу, — остаточные явления атаки, когда нервная система пытается восстановиться. В руках мужчины держал что-то по очертаниям очень похожее на пистолет.

Ветер снова зашумел, и парень напрягся, запах падали, сперва едва уловимый, стал приближаться. Темнота леса вдруг стала враждебной. Где-то там был незнакомец с неясными намерениями. Где-то там был призрак. А у него только едва стоящий на ногах Шрам с огнестрельным оружием.

— Что бы вы ни взяли из могилы Кирилова, советую избавиться. Иначе нас ждет второй раунд. А я пуст.

— Черт тебя возьми, Малой. — Мужчина вытащил из кармана что-то, уместившееся на ладони, и поднес к лицу, силясь разглядеть.

Макс зашипел, запах мертвечины приблизился, он выхватил телефон, дернул руку мужчины на себя, заставляя того вздрогнуть, и сделал несколько снимков. От режущей белизны вспышки перед глазами заплясали цветные пятна. На ладони Тилифа лежала железная табличка с выбитым номером, такими обзаводятся солдаты, пожарные и спасатели, чтобы облегчить опознание тела. Если он хотел узнать номер Кирилова, был способ проще, неужели в их ведомстве никто не берет взятки?

Но мысли Грош оставил при себе, ему платили не за это. Парень подхватил тонкую пластинку, бросил мужчине вместо нее телефон и, размахнувшись, отправил находку в полет. Что-то едва заметно стукнуло. Качнулись ветки, и все снова замерло. Парень напряг все свои чувства, блуждающий отступил, оставаясь все еще где-то рядом, но не собираясь приближаться. Раимов повел пистолетом из стороны в сторону.

— Нажмете на курок, и смертельный хвост вам обеспечен, — проинформировал Тилифа Грош.

— Вряд ли. Тут только ты, а псионики не возвращаются. — Мужчина опустил оружие, и оперся о ближайший ствол. — Удобно, не находишь? Вы единственные, *кто* может убивать, не боясь мести мертвых. И вы единственные, *кого* можно убивать по той же самой причине.

Макс попытался рассмотреть лицо Шрама, но в темноте оно казалось чуть более светлым овалом. Тилиф говорил правду. После смерти возвращались процентов восемьдесят

умерших. Пять по неясным до сих пор причинам, уходили навсегда, а оставшиеся пятнадцать — это псионики, умиравшие как обычные люди и никогда не возвращающиеся. Для пси-специалистов загробной жизни не существовало.

— Расслабься, Малой. Я хорошо стреляю, поэтому и жив до сих пор. Совсем не обязательно убивать, чтобы вывести из строя. — Раимов вдруг согнулся, и Макс услышал звук рвоты. — Не возражаешь, если мы обсудим принципы друг друга после того, как приберем за собой и свалим? — сипло спросил он спустя минуту.

Урок седьмой

История

Тема: «Письменность древних народов»

Боль выдернула Макса из сна. Ленка Афанасьева, ткнувшая его шариковой ручкой, возмущенно поджала губы. Зануда и заучка, у которой почти не было друзей, потому что живым людям она предпочитала книги. Грош поднял голову и, глядя ей в глаза, демонстративно зевнул. Староста курса отвернулась, отгораживаясь от него учебником.

Грош заморгал, Володин как раз закончил инструктаж, и все потянулись к выходу. Каждый выходящий из аудитории брал со стола лектора прямоугольный листок бумаги. Эдакий экзамен, где ученикам не требуется отвечать, а только лишь говорить номер билета. Историк в своем репертуаре — все ищет новые способы заинтересовать студентов непрофильным предметом. Парень, не раздумывая, взял ближайший.

— Грошев — тринадцать, — сказал он препода и последовал на выход.

Около корпуса ученики становились в шеренгу. Арчи, хмуро оглядывая нестройный ряд, задержал взгляд на Максе. После возвращения из Троворота они разговаривали два раза.

Первый — перед допросом, которому его подвергли специалисты из Шоромы. Грош не заметил у следователей никаких увечий, оставшихся в память о встрече в Некропольском. Распускать руки в стенах лагеря мужики не осмелились, ограничившись многообещающим: «Расскажи все сам, а то хуже будет».

Второй — состоялся накануне, Арчи проинформировал парня, что операция его матери прошла успешно, ей предстоял долгий курс реабилитации. И похороны.

Ни один человек не спросил Макса об отце.

— На первый и второй рассчитайся, — скомандовал Андрей Валентинович, и студенты начали вялую переключку. — Первые номера, шаг вперед. Старший группы — Ильин, маршрут номер семнадцать.

Невысокий и коренастый Пашка Ильин подошел к преподавателю и получил бумаги. Многие, обманутые простоватой внешностью, видели в нем лишь недалекого деревенского увальня, тогда как в последнем семестре он заработал право на дополнительную императорскую стипендию.

— Вторая группа — маршрут номер одиннадцать, за старшего — Самарский.

Макс поймал тоскливый взгляд Лисы, которой выпало идти с Ильиным.

— Спорим, мы сделаем Увальня часа на три. — Игрок толкнул Макса в плечо.

Грош не ответил, спорить на что-то очевидное не имело смысла.

— Игроков, Грошев. Задания получили?

— Так точно, — рявкнул Леха.

Парень посмотрел на свой листок.

— Образец быта древних интар, — прочитал вслух любопытный Алексей. — Повезло, можешь хоть камень из Солнечного притащить и выдать его за древний молоток.

— Ага, — закатил глаза Арчи, — Васька в прошлом году так и сделал и огреб неуд.

— Почему? — удивился Игроков.

— Потому что гранит в этих горах не водится. Так что подбирать абы что вроде щебня,

которым ямы на дороге засыпали, я бы не рекомендовал. — Препод посмотрел на часы. — У вас десять часов до Солнечного и обратно. — Хлопнул Леху по плечу и отошел.

— Малышке совсем не повезло. — Игрок посмотрел на миниатюрную Натку, которую со спины чаще принимали за девочку, чем за девушку. — Ей нужен образец письменности. — Алексей хмыкнул. — У интар ее не было. Пойду предложу ей сразу написать на стене что-нибудь вечное из трех букв и не мучиться. — Парень рассмеялся.

Макс машинально отметил, что Игроков так и не сказал, какое задание получил от историка сам.

Маршруты меняли каждый год. Практика будущих пси-специалистов включала в себя долгие пешие переходы, ориентирование на местности, навыки выживания в дикой природе, уроки первой помощи и то, ради чего все было затеяно, — поиск захоронений. Ну, а историк, узнав, что тропы частенько прокладывали мимо древних развалин, прибавил студентам работы. Теперь псионики должны были притаскивать какие-нибудь древние черепки и нудно о них разглагольствовать.

Если заглянуть в любой дневник практики, то записанное там вызовет слезу умиления даже у самых придирчивых учителей. Студенты усердно собирали растения, тренировали выносливость, изучали созвездия, учились форсировать реки. Разные варианты таких сочинений ежегодно пачками ложились на стол Нефедычу, и он давно уже ничего не читал, не глядя ставя подпись. В прошлом году Игрок на спор распечатал и сдал отрывок из пособия по сексуальным расстройствам, больше похожим на радости. И ничего, получил свой дневник практики назад с размашистой визой Куратора.

На деле они пили, купались, травили байки у костра, целовались и не только. Палатки обычно разговорчивостью не страдают, а слухи ходят всегда: не об этой парочке, так о другой. Но это в долгих переходах, а сегодня группам предстоял короткий. Часа четыре до развалин Солнечного, час на привал, четыре обратно, один в запасе — к ночи будут в лагере.

— Если идти все время на север, можно добраться до Экспериментального бункера. — Миниатюрная Наташка Мартынова присела, завязывая шнурок.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Псионика — наука о пси-энергии. Псионик — ученый, специалист ее изучающий, постепенно стало обозначением любого обладающего пси-силой.

Инатарские горы — горная система, расположенная на севере Империи Камней. Длина — более 2000 км, ширина — от 40 до 150 км (*Путеводитель по Инатарскому краю. Лучшие пешие и автомобильные маршруты. Устаревшее издание 19.. года, снято с печати*). (Здесь и далее примеч. автора.)

Великая — самая высокая вершина Инатарского хребта, представляет собой горный массив, в составе которого можно выделить две вершины: Западную, высота 1730 м, и Восточную, резкое скальное поднятие с плоской вершиной, высота 1472 м. Относительный перепад высот составляет 200–350 м (*Национальный Атлас, входит в учебно-методический комплекс по географии, рекомендованный корпусом образования и науки Империи, издательство ИМПРА, издание 3-е дополненное*).

Троворот — областной центр на востоке Империи Камней, образовался в период мертвых веков, на слиянии рек Верхней и Нижней Измири, из рабочего поселка лесорубов (*История Измирского края: факты, мифы, легенды. Отпечатано по заказу Краеведческого музея. Тираж 1000 экз., не для продажи*).

Ворошки — национальное всеимперское кладбище, на сегодняшний день площадь захоронений насчитывает более 35 тыс. гектаров (*Имперский реестр используемых под захоронения площадей, их учет и обслуживание, по состоянию на май 20.. года*).

О событиях, произошедших в Вороховке, читайте в книге Ани Сокол «Призраки не умеют лгать».

Онн — единица измерения пси-атаки (*Нефизические величины и единицы их измерения. Справочник под ред. М. Мишнев, пособие для студентов Пси-Академии*).

Мертвые века — период с 1524 по 1703 г., ознаменованный нашествием первых блуждающих, характеризуется территориальной раздробленностью, разобщенностью, отсутствием единовластия, непогрешимой верой в загробную жизнь и несопротивлением власти призраков. Человеческие потери по самым скромным подсчетам варьируются от 1 млн до 3,5 млн человек (*История Империи Камней. Учебник рекомендован для школьной программы 7-го класса Имперским образовательным корпусом*).

Справочник сводных таблиц по нефизическим величинам под редакцией профессора Мантурова Е.Ф. (рекомендован как учебное пособие школьникам старших классов, абитуриентам Пси-Академии, объем 1430 с., тираж 20 000 экз., типография Тиррен, Заславль).

Хвост — название явления, при котором призрак, не будучи привязанным к захоронению, регулярно атакует мозг человека, не выходя за пределы пяти онн. Опасности такие атаки не несут и являются следствием мелких ссор и обид, нанесенных призраку человеком при жизни. Хвосты подлежат обязательной регистрации в службе контроля того района, где проживает человек (*Памятка гражданину Империи*).

Ладия — область на юге Империи Камней, граничит с севера-востока с Шиганским краем, с запада — с Вадийской областью, с юга омывается Ладийским морем. Курортная зона, средняя температура января не опускается ниже -3°C , средняя температура июля — $+27^{\circ}\text{C}$. По морю проходит государственная граница Империи с островным государством Тихрат общей протяженностью... *(Географический справочник школьника. Рекомендован Имперским образовательным корпусом как справочно-вспомогательное пособие для учеников общеобразовательных школ).*

Шорома — город в Империи Камней, административный центр Шоромского района Инатарского края, городской округ. Расположен у слияния рек Троги, Шоромки и Кобылки. В 1989 году население Шоромы достигло 251,4 тысяч человек и с тех пор быстрыми темпами сокращается, хотя он остается вторым по величине городом Инатарского края (*Вестник Имперского географического общества, от 15 апреля 20.. г., не принят к печати как не соответствующий общей направленности издания*).

Листовец — город в Империи, расположенный по обе стороны реки Листы, в 947 км на юго-восток от Заславля, высота над уровнем моря 160 м, население... (*паспорт муниципального образования Триворотского городского округа*).

Ладия, Перискор, Виния, Бронер — области, присоединенные к Инатару в период мертвых веков путем завоевания их Тримиром Третьим Инатарским (*Правдивая история завоеваний и образование Империи Камней. За основу текста издания взят перевод, выполненный известным профессором Д. С. Грозовым, научная деятельность которого начиналась еще при Императоре...*).

«Тенвер» — марка машины, характеризуется целым рядом моделей внедорожников.

Виния — область на востоке Империи Камней, потерявшая независимость в период мертвых веков. Население: национальное меньшинство — инийцы, после опустошительных войн трех Императоров демография восстановилась на 40 %, на сегодняшний день ассимиляция малых народов империи достигла 65 % (*Визуальное народоведение Империи. Ежегодный альманах нового обзора, 2000 экз., памятное издание*).